МЕМОУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Литературный факт.
2021. № 3 (21)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (21), 2021

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-8-47>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Настоящая моя жизнь — в одиночестве...» Из дневника Марии Пожаровой

© 2021, К.М. Азадовский

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Публикация посвящена поэтессе Марии Пожаровой, в начале XX в. активно публиковавшейся в столичной печати, в 1910-е гг. участвовавшей в собраниях ряда литературных обществ и кружков Петербурга / Петрограда. В советские годы в печати появлялись лишь ее «детские» стихи — «для младшего возраста», изданию которых помогали К. Чуковский и особенно С. Маршак. Публикуемые фрагменты из дневника Пожаровой (за 1909–1916 гг.) фиксируют ее встречи и беседы с З. Гиппиус, Н. Гумилевым, С. Есениным, поэтессой М. Моравской, прозаиком и литературным критиком Н.Н. Вентцелем и другими писателями. Подробно рассказывается о вечерах «Кружка Случевского», о столичном литературном быте предреволюционных лет. Во вступительной статье также дана характеристика тяжелых жизненных условий М. Пожаровой, ее маргинального существования в литературе в 1930–1950-е гг. Текст дневника М. Пожаровой сопровождается историко-литературным комментарием.

Ключевые слова: М. Пожарова, литературная жизнь России 1910-х гг., литературные общества и объединения, биография, дневники писателя, архивные публикации.

Информация об авторе: Константин Маркович Азадовский — кандидат филологических наук, член Германской Академии языка и литературы (Дармштадт); г. Санкт-Петербург, Россия. Researcher ID: U-4876-2019. E-mail: azadovski@mail.ru

Для цитирования: Азадовский К.М. «Настоящая моя жизнь — в одиночестве». Из дневника Марии Пожаровой // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 8–47. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-8-47>

Имя писательницы Марии Андреевны Пожаровой (1884–1959) не принадлежит к числу широко известных; тем не менее, в русской детской литературе XX в. оно занимает видное и достойное место. Стихи и проза Пожаровой публиковались в периодике, хотя и с перерывами, на протяжении полувека: первая ее публикация относится к 1904 г., а в 1910 г. появляется ее первый сборник⁴. Присутствие Пожаровой в русской поэзии и столичной литературной жизни становится ощутимым накануне 1917 г. Ее детские стихи печатаются (или переиздаются) и в советское время (небольшие сборники выходили в 1924, 1927, 1928, 1929, 1930, 1946, 1947, 1950, 1953, 1956 гг.); писательницу поддерживали и высоко ценили Ольга Форш, Корней Чуковский и Самуил Маршак⁵. Затем, начиная с 1960-х гг., наступает забвение, не преодоленное и поныне. Даже в последние десятилетия, отмеченные повышенным вниманием к «малым» именам эпохи русского модернизма, исследователи как бы не замечают Пожарову; ее попросту «проглядели»⁶.

Попытка вернуть Пожарову в историко-литературный контекст была предпринята Евгенией Оскаровной Путиловой (урожд. Костелянец; 1923–2018), историком литературы, изучавшей «детское» творчество русских поэтов. Составленные ею антологические сборники⁷ открыли читателям множество новых имен (или же представили знакомых авторов в новом ракурсе) и воссоздали многовековой путь русской детской поэзии, начиная от народных прибауток и «дразнилок» до стихов современных поэтов. Уделяя особое внимание «женской поэзии» начала XX в. и вовлекая в круг своих исследований таких авторов, как Г. Галина, М. Моравская, П. Соловьева, А. Чарская и др., Евгения Оскаровна не могла, разумеется, пройти мимо Марии Пожаровой, о которой она написала

⁴ Пожарова М. Среди детей, игрушек и зверьков. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1910. 30 с.

⁵ Почти во всех (весьма немногочисленных) статьях и заметках, посвященных Марии Пожаровой, приводятся четыре строки Маршака: «Когда твой отец и мать / Впервые начали читать, / Они в своем журнале / Пожарову читали» — первая строфа его стихотворения памяти Пожаровой (см.: Маршак С. Вместо вступления // Костер. 1959. № 8. С. 28; предисловие к посмертной публикации стихов Пожаровой).

⁶ Характерные примеры: антологии «Русская поэзия Серебряного века. 1890–1917» (М., 1993) и «Сто одна поэтесса Серебряного века» (сост. и биогр. статьи М.Л. Гаспарова, О.Б. Кушлиной и Т.Л. Никольской. СПб., 2000). Пожарова отсутствует в обоих сборниках.

⁷ Оркестр. Сборник стихотворений для детей. М.: Детская литература, 1983. 228 с.; Русская поэзия детям. Л.: Сов. писатель, 1989. 765 с. (Библиотека поэта. Большая серия); Русская поэзия детям: в 2 т. СПб.: Академический проект, 1997 (Новая библиотека поэта. Большая серия); Четыре века русской поэзии детям: в 3 т. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас», 2013.

несколько био-библиографических справок и две статьи [12; 13]⁸. Таким образом в ее поле зрения попали и дневники Пожаровой, хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, куда в 1957 и 1961 гг. поступила большая часть личного архива писательницы. Первый дневник — за 1902–1903 гг. — посвящен итальянскому путешествию Пожаровой⁹. Второй, сохранившийся чудом, охватывает 1906–1954 гг. Посылая мне летом 2013 г. сделанную по ее заказу копию пожаровского дневника, Евгения Оскаровна сообщила подробности его архивной судьбы:

Когда я увидела снова воочию «Дневник» Пожаровой, я снова вспомнила всю мою историю, с ним связанную, еще при жизни Б<ориса> Н<иколаевича>¹⁰. Архива <Пожаровой> не было в каталогах Рукописного отдела, его не могли найти. И вот почему. Когда сотрудники увидели последнюю страницу¹¹, где автор просил «сжечь этот дневник», они пошли к В.Г. Базанову (тогда директор)¹². Он полистал «Дневник» и увидел страницы переписки с Миролюбовым¹³. Сказал, что это ему понадобится. И они положили все на полку (это подлинный рассказ). По моей настоятельной просьбе сотрудники искали архив несколько часов и поили меня чаем. Конечно, теперь он зафиксирован. Тогда я в первый раз рассказала о «Дневнике» Лаврову¹⁴ и показала страницы тебе. Я переписала множество страниц и стала бы заниматься Пожаровой дальше, но меня увлекла идея трехтомника...¹⁵

Действительно, согласно авторской воле, этот дневник подлежал уничтожению. На первой его странице имеется запись, датированная сентябрем 1949 г.:

⁸ К этому следует добавить ее комментарий к стихам Пожаровой в трехтомнике «Четыре века русской поэзии детям» (Т. 1. С. 747–748).

⁹ Фрагменты этого дневника приводятся в кн.: [16, с. 58–59, 62–63, 80–81].

¹⁰ Б.Н. Путилов (1919–1997), фольклорист. Муж Е.О. Путиловой.

¹¹ На самом деле — первую (см. ниже).

¹² Василий Григорьевич Базанов (1911–1981), фольклорист, историк литературы; член-корреспондент АН СССР. Возглавлял Пушкинский Дом в 1965–1975 гг.

¹³ Виктор Сергеевич Миролюбов (1860–1939), журналист, издатель. Редактировал «Журнал для всех» (1895–1906) и «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни» (1914–1918), покровительствовал начинающим авторам, в том числе — Марии Пожаровой.

¹⁴ Александр Васильевич Лавров (род. в 1949 г.), историк русской литературы; действительный член РАН.

¹⁵ Электронное письмо от 16 июня 2013 г. «Трехтомник» — антология «Четыре века русской поэзии детям» (см. примеч. 7).

Записи в моих тетрадках (первая — в клеенчатой обложке¹⁶) я всегда вела только *для себя самой*, с твердым намерением впоследствии *сжечь их*. Теперь, когда я так слаба здоровьем, казалось бы, пришло время уничтожить эти тетради. Но я колеблюсь, не могу решиться, потому что эти наивные страницы говорят о прошлом, о юности. Да, здесь много наивности, пожалуй, даже непростительной. Записи небрежные, восторженность тона временами переходит в какую-то высокопарность. Конечно, меня возмущает, *как* это написано, и не мешало бы бросить тетрадку в огонь. Успею ли я это сделать перед смертью? Здесь нет ничего, имеющего общественный интерес¹⁷.

О существовании дневника Пожаровой мне стало известно в нулевые годы. Зная, что я изучаю поэтов Серебряного века (Клюева, Есенина и др.), Евгения Оскаровна показала мне страницы, где упоминаются их имена, и обратила мое внимание на пассаж, посвященный Гумилеву. В наших беседах тех лет мы не раз возвращались к вопросу о публикации дневниковых записей, а также «взрослых» стихов Пожаровой. А в 2013 г., когда я прочитал дневник полностью, мы задумались о совместной работе. Возникла мысль издать весь дневник в виде отдельной книги, в которую вошли бы не только описания встреч с именитыми литераторами, но и другие содержательные записи (периода ленинградской блокады и др.). Евгения Оскаровна настойчиво пыталась приобщить меня к этой работе¹⁸.

Шли годы. Пребывая в плену неумолимых обязательств и дел, ни один из нас так и не нашел времени, чтобы вплотную заняться дневником Пожаровой. И сложилось так, что мне приходится взяться за этот труд в одиночку.

Наиболее любопытны в публикуемых ниже дневниковых записях Пожаровой описанные ею литературные вечера в Петербурге—Петрограде в 1912–1916 гг. и в первую очередь — вечера Кружка

¹⁶ Имеется в виду упомянутый выше дневник итальянского путешествия.

¹⁷ ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 218. Л. 1. При дальнейшем цитировании листы указываются в тексте в скобках.

¹⁸ «На сегодняшний день я не представляю себе, какой может быть книга, какое место займут собственно ее <Пожаровой> стихи и проч., — писала мне Евгения Оскаровна в цитированном выше письме. — Тебе не просто будет это придумать. А, может быть, просто: сначала «Дневник», а потом стихи. Но ведь о стихах надо написать! Соотнести с временем? Уверена, что тебе будет интересно это сделать».

поэтов и поэтесс, носившего имя К.К. Случевского (далее — Кружок Случевского или Кружок) и продолжавшего — после смерти поэта в 1904 г. — его известные «Пятницы». Объединявший десятки поэтов, весьма различных по дарованию и взглядам, Кружок Случевского был заметным явлением в литературной жизни дореволюционного Петербурга; он прекратил свое существование в ноябре 1917 г.¹⁹

К сожалению, до настоящего времени отсутствует обстоятельное (монографическое) исследование, позволяющее восстановить — на основании сохранившихся повесток, писем, альбомов и других архивных и печатных источников — хронику собраний Кружка (с 1904 г., т. е. после смерти Случевского, по 1917 г. было проведено 82 вечера; общий список участников, число которых постоянно увеличивалось, насчитывал к тому времени приблизительно 70 человек)²⁰. Эта непростая задача усугубляется тем обстоятельством, что многие участники Кружка или его гости оказались после 1917 г. «не у дел»: эмигрировали, прекратили писать, лишились возможности публиковаться, не говоря уже о судьбе тех, кто был расстрелян, сослан, подвергался преследованиям.

С этой точки зрения, любые сведения о собраниях Кружка Случевского, впервые появляющиеся в печати, обладают несомненной историко-литературной ценностью.

Мария Пожарова впервые посетила собрание Кружка 15 декабря 1912 г., состоявшееся в квартире М.Г. Кильштет, куда ее пригласил Н.Н. Вентцель (1855–1920), весьма известный в свое время поэт, прозаик и драматург, автор детских книг, а с 1908 г. — председатель Кружка Случевского (в марте 1913 г. его сменил в этой должности И.И. Ясинский). Это был для Пожаровой, державшейся в стороне от шумных писательских сборищ, едва ли не первый «выход в свет». Ее подробное и живое описание этого вечера — ценное мемуарное свидетельство, особенно если учесть, что далеко не все из собраний Кружка получили в литературе столь колоритное освещение.

Через несколько дней, прочитав в «Новом времени» обзорную статью Вентцеля о русской детской литературе за 1912 г.²¹, Пожарова отправила ему благодарственное письмо:

¹⁹ Последнее (82-е) заседание Кружка состоялось 4 ноября 1917 г. у баронессы С.И. Таубе (см.: РГАЛИ. Ф. 512. Оп. 2. Ед. хр. За. Л. 43; альбом с автографами членов Кружка).

²⁰ Наиболее полная библиография, посвященная Кружку Случевского, — в кн.: [18, с. 216–217]. К этому списку можно добавить воспоминания баронессы С.И. Таубе-Аничковой в кн.: [4, с. 15–104].

²¹ Ю — *н*ь Н. Детская литература перед Рождеством // Новое время. 1912. № 13210. 19 декабря. С. 5–6. (Н. Юрьин — один из псевдонимов Н.Н. Вентцеля.)

Глубокоуважаемый Николай Николаевич!

Прочла Ваш чуткий, интересный разбор детских книг этого года. Благодарю Вас за добрые слова о моих песенках для малюток²². Я обязана Вам огромным удовольствием — тем, что побывала на собрании кружка Случевского. Этот вечер оставил на меня <так!> большое впечатление, тем более что мне никогда не приходилось бывать среди литераторов.

Сердечно поздравляю Вас с наступающими праздниками и желаю всего светлого и радостного.

Искренно уважающая Вас

М. Пожарова²³.

Побывав на вечере у М.Г. Кильштет, Пожарова начинает посещать собрания Кружка поэтов и поэтесс. Дневник фиксирует ее присутствие на заседаниях 26 января 1913 г. (у Н.Н. Вентцеля) и 22 марта 1914 г. (у него же). 19 ноября 1915 г. на юбилейном вечере Кружка у В.П. Авенариуса (50-е заседание) Пожарова проходит «баллотировку» (ее рекомендуют Н.Н. Вентцель и А.А. Измайлов)²⁴, а 8 мая 1916 г. на собрании у И.И. Ясинского становится полноправным «случевцем». Альбомы Кружка и ряд других документов свидетельствуют также о ее присутствии на вечерах 22 января 1917 г. (у И.И. Ясинского) и 11 февраля 1917 г. (у баронессы С.И. Таубе). А 15 апреля 1917 г. на заседании Временного комитета уполномоченных «Союза деятелей искусств», проходившем в квартире Ф. Сологуба, Пожарова выступает (совместно с Ясинским) как делегат от Кружка Случевского²⁵.

Расширяя наше представление о том, как и в какой атмосфере протекали собрания петербургских «поэтов и поэтесс», дневник Пожаровой сообщает любопытные сведения о некоторых его участниках, с которыми ей довелось познакомиться (среди них — Н. Гумилев, В. Кривич, Б. Садовской, Д. Цензор). Особенно содержательна долгая беседа Пожаровой с Гумилевым, провожавшим ее ночью 23 марта 1914 г. (после вечера у Н.Н. Вентцеля) с Васильевского

²² Н. Вентцель упомянул в своей статье «...печатавшиеся в “Роднике”, “Тропинке” и “Задуманном Слове” милые песенки г-жи Пожаровой, проникнутые любовью к природе и обнаруживающие в авторе понимание круга детских интересов» (Там же. С. 5).

²³ РГАЛИ. Ф. 121. Оп. 1. Ед. хр. 22.

²⁴ См. письмо Пожаровой к Н.Н. Вентцелю от 14 мая 1916 г. (РГАЛИ. Ф. 1868. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 17). В архивной описи эта единица хранения обозначена как «письма к неустановленному лицу».

²⁵ См. письмо Пожаровой к И.И. Ясинскому от 12 апреля 1917 г. (ОР РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 1126. Л. 13).

острова на Петербургскую сторону; в монологе поэта отчетливо и по-новому вырисовывается его личность.

Не менее интересны, хотя и не столь насыщены подробностями, те страницы дневника Пожаровой, на которых сообщается о ее встречах с З.Н. Гиппиус; о визитах к поэтессе Поликсене Соловьевой (Allegro), издательнице детского журнала «Тропинка»; о собраниях в редакции петербургского «Ежемесячного журнала»²⁶; о посещении одного из вечеров в петербургском клубе «Медный всадник»²⁷; о «Вечере поэтесс», состоявшемся 31 марта 1916 г. в концертном зале Тенишевского училища; о ее знакомстве с такими примечательными фигурами литературной жизни Петрограда в 1915–1916 гг., как поэтессы Мария Моравская и Елена Галати, художник и теоретик русского авангарда Николай Кульбин и малоизвестный поэт-футурист Николай Черкасов.

Отличительная особенность дневниковых записей Пожаровой — их фрагментарность и даже неполнота. Сосредоточенная на том, что вызывало у нее живой интерес, писательница опускает подчас существенные детали, касающиеся тех событий, участницей которых она оказалась. Так, подробно рассказав о собрании у М.Г. Кильштет (Кильштедт), она ни словом не упомянула о Бунине, письмо которого в адрес Кружка было оглашено на том вечере²⁸. А в записи, посвященной «Вечеру поэтесс» в Тенишевском училище, не сказано о выступлении Анны Ахматовой (хотя Пожарова видела в ней большого поэта и относилась к ней с восхищением).

В истории русской литературы XX в. Пожарова осталась (и до сих пор остается) автором стихов «для детей». Между тем она сама

²⁶ Именно на страницах миролюбовского «Журнала для всех» состоялось первое печатное выступление Пожаровой — стихотворный цикл, навеянный ее итальянским путешествием, под общим названием «Сонеты к фрескам Микельанджело», состоящий из двух частей: «Сивилла Дельфийская» и «Сивилла Кумская» (1904. № 5. С. 260).

²⁷ Общество «Медный Всадник», объединявшее писателей, живописцев и композиторов, развернуло свою деятельность зимой–весной 1916 г.; учредительное собрание состоялось в первые дни февраля 1916 г.; первый вечер — 13 февраля (см.: Биржевые ведомости. Веч. вып. 1916. № 13567, 5 февраля. С. 3). К началу 1917 г. общество прекратило свое существование (см.: [18, с. 115–116]). К приведенному в данном издании библиографическому списку следует добавить главку из воспоминаний В.И. Мозалевского: [9, с. 78–80].

Виктор Иванович Мозалевский (1889–1970), поэт, прозаик, переводчик; мемуарист.

²⁸ Писатель благодарил «случевцев» за поздравление к его юбилею (25-летие литературной деятельности).

считала это занятие не главным и всегда стремилась к «серьезной» поэзии. «Летом написала 50 стихотворений... для детей, — сообщала Пожарова Миролубову 10 февраля 1915 г. — А хотелось бы писать для взрослых»²⁹. Впрочем, даже в ее стихах, предназначенных для детских журналов, звучат порой отнюдь не детские интонации. «Некоторые из присланных Вами стихотворений годились бы, мне кажется, для взрослого журнала»³⁰, — писала ей 6 декабря 1907 г. Поликсена Соловьева, издававшая (вместе с Н.И. Манасеиной) журнал «Тропинка», в котором публиковалась и Пожарова.

Сотрудничество в детских журналах приносило Пожаровой в 1910-е гг. известный доход, однако жестокая зависимость от заработка тяготила писательницу. «Чувствую необходимость устроиться постоянной сотрудницей в каком-нибудь маленьком, но приличном журнале *для взрослых*, — делится она своими планами с В.С. Миролубовым в письме от 16 мая 1913 г., — а то я вынуждена (кроме работы в “Ниве”) растрачиваться на “Задушевное слово”, “Светлячок” и т. п. Хотя часто я пишу детские стихи с большой любовью, но еще чаще приходится работать “потому что надо” и подгонять стихи к случаю — осенние, летние, рождественские и т. п. Это тяжело»³¹.

Писать «настоящие», «взрослые» стихи Пожарову побуждало ее особое мироотношение: повышенная впечатлительность, чувство причастности к живой природе, серьезное, не допускающее «стилизации» понимание искусства и поэтического слова, настоятельная потребность говорить «о главном»: «Мне кажется, — писала Пожарова Н.Н. Вентцелю 18 декабря 1915 г. — что в стихах следует говорить о самых интимных, острых, мучительных переживаниях, что стихи должны быть похожи на исповедь, на молитву. Только тогда выйдут стихи настоящие — быть может, не вполне совершенные с художественной стороны, но живые, волнующие стихи “о самом близком”, а не деланная искусственная красота. В стихах человек должен стоять с обнаженной душой.

Но следует ли выносить людям все свое “самое близкое”? Да, я стою за эту беспощадную искренность»³².

Именно такой «беспощадной искренностью» отличается цикл стихотворений, написанных на смерть матери (конец 1915 г.), глубоко и болезненно пережитую Пожаровой, — о нем не раз упо-

²⁹ ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 932. Л. 22.

³⁰ ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 184. Л. 1.

³¹ ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 932. Л. 12.

³² РГАЛИ. Ф. 1868. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 12 об., 15.

минается в публикуемых выдержках ее дневника. «В стихах этих душа рыдала, — признается Пожарова (запись сделана в декабре 1915 г.); — каждое стихотворение писала со слезами, потрясенная, — и многие люди, которым довелось мне читать эти стихи, слушая их, плакали. (Видела я слезы в глазах у П.С. Соловьевой, плакал В.С. Миролубов...)»³³.

Пожарова не преувеличивает. Ее «взрослые» стихи (во всяком случае, лучшие) действительно способны произвести впечатление. «Вы сильно чувствуете и оттого трогаете», — писала ей Е.А. Галати 21 декабря 1915 г.³⁴ Не случайно, что в редакциях известных русских журналов той поры («Журнал для всех», «Весы», «Аполлон», «Ежемесячный журнал», «Русская мысль») «взрослые» стихи Пожаровой встречали, как правило, одобрение и сочувствие. Тем не менее в дореволюционную эпоху ее поэзия не получила того признания, какого, безусловно, заслуживала. Этому отчасти способствовала и сама писательница, чуждавшаяся современных ей литературных объединений и групп (Кружок Случевского — едва ли не единственное исключение), предпочитавшая держаться особняком, «на отдалении»³⁵. В этом сказывались, должно быть, личные ее качества: застенчивость, робость, критическое отношение к себе, неуверенность в своих силах. Можно допустить и психологический аспект. Обладая тонким литературным вкусом, Пожарова безошибочно чувствовала поэтическую силу и значимость выдающихся современных поэтов, однако знакомство с их творчеством как бы «подавляло» ее и заставляло усомниться в собственном даровании (случай нередкий в истории литературы).

«Вы думали, что я когда-ниб<удь> делала попытку собрать в книгу мои стихи для взрослых, — рассказывает она в одном из писем 1930-х гг. — Это мне и в голову не приходило, — я печатала стихи в больших толстых журналах, но в мое время выходили книги стихов таких замечательных поэтов, как Блок, Гумилев, Ахматова, Брюсов, Марина Цветаева, Вяч. Иванов, Кузьмин <так!> и другие, я восхищалась ими и даже боялась подумать о книге моих стихов.

³³ ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 218. Л. 70 об.

³⁴ Там же. Ед. хр. 144. Л. 2.

³⁵ Ср. помету Пожаровой на адресованном ей письме П.С. Соловьевой от 4 марта 1911 г.: «П.С. Соловьева накануне много бранила меня за то, что я не прихожу к ней по средам, когда собираются литераторы, и чуждаюсь людей, “близких мне по духу”» (ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 184. Л. 3). См. ниже признание Пожаровой в дневниковой записи (май 1916 г.): «Не тянет меня к людям. *Может быть, это мой грех, но, вернее, это моя судьба*».

А после революции мои стихи периода символистов и акмеистов были бы не ко времени, неприемлемы»³⁶.

Публикуемые фрагменты дневника Пожаровой охватывают исключительно дореволюционный период. Как сложилась ее дальнейшая жизнь?

Тяжелые испытания начались для Пожаровой уже вскоре после прихода большевиков к власти; оставаясь в Петрограде, она пережила все те бедствия, что выпали на долю его жителей: разруху, эпидемию, голод, красный террор... «С 1917 г. — записывает она в своем дневнике 15 апреля 1921 г. — жизнь, материально и нравственно, так неопишимо трудна, что вряд ли возможно будет перенести подобную жизнь еще долгие годы. <...> Мозг мой истощен и быстро утомляется, тело замучено домашней работой. Я плохо питаюсь. Этих условий изменить нельзя, с ними надо примириться и принять все так, как оно есть.

Голод, холод. В один месяц тратишь больше нервной энергии на жизненную борьбу, чем раньше в год или два года. Но все же я хочу, чтобы дух мой восторжествовал над темным и удушающим ужасом жизни» (л. 106–106 об.)

В 1920 г. в Петрограде у издателя З.И. Гржебина Пожарова знакомится с М. Горьким, который, по ее словам, отнесся к ней «с большой добротой»: «Ему понравились мои стихи для детей. Понравились многие мои стихи для взрослых» (л. 107 об.). Подтверждением этому могут служить два стихотворения Пожаровой в первом номере журнала «Красная новь»³⁷, инициированного, как известно, Горьким³⁸.

В 1920-е гг. Пожарова широко публикуется в советской периодике; выходят в свет книги ее детских (но только детских!) стихов, иллюстрированные замечательными советскими графиками. О своих публикациях той поры она сообщает в дневнике:

После Октябрьского переворота были изданы три мои книжки Государственным издательством. Первая книжка вышла в 1924 г.;

³⁶ ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 184. Л. 181. Письмо к мужу одной из сестер М. Пожаровой.

³⁷ Красная новь. 1921. № 1. С. 41–42 (стихотворения «Голодный» и «Деду»).

³⁸ Пожарова приводит также слова А.С. Родэ (бывшего владельца известного петроградского ресторана) о том, что Горький считал ее «талантливой» и хвалил ее стихи (ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 218. Л. 107 об.). В 1920 г. Родэ был управляющим Дома ученых на Дворцовой набережной и часто встречался с М. Горьким.

в ней собрано 115 стихотворений³⁹. Замечательны иллюстрации нашего знаменитого графика С. Чехонина. Многие его рисунки поражают тонкостью, изяществом, виртуозностью исполнения; некоторые поражают какой-то особенной ажурной, узорной прелестью, свойственной мастерству Чехонина. <...> Вместе с ним над рисунками к «Солнечным зайчикам» работал Евгений Белуха, про которого Чехонин говорил: «Я — первый график в России, а Белуха — второй». <...> В 1928 г. Государственное издательство выпустило мою книжку «Веник», а в 1930 г. — «Городок» с рисунками Конашевича.

В 1927 г. издательство «Радуга» (издатель Лев Моисеевич Клячко⁴⁰) напечатало мои книжки: «Детский сад летом», «Под парусом» и «В саду». В 1928 г. в «Радуге» вышла книжка «В избе», в 1930 г. — «Наша мостовая». «Радуга» собиралась также издать мою книжку «Наш дом». Эта книга прошла через ГУС (Государственный) ученый совет), была разрешена к печати, рисунки в красках к ней были готовы. Но «Радуга» ликвидировала дела и перепродала портфель другому издательству. Я тяжело заболела, и судьба книги осталась мне неизвестной.

В 1928 г. издательство «Рабочей газеты» (Москва) издало две моих книжки: «На улице» и «Кто с чем идет».

В конце 1927 г. я начала помещать стихи в журнале «Мурзилка». В этом журнале особенно много моих стихов было напечатано в 1928 (двадцать восьмом) году: в каждом номере по стихотворению, а то и по два. Много моих стихов было напечатано в «Мурзилке» в 1929 г. и в 1930 г. Всего в «Мурзилке», который выходил не еженедельно, а ежемесячно, было помещено 35 моих стихотворений. Несколько стихов я поместила в журнале «Искорка». Маленькие книжки выходили тиражом в 30, 40 тысяч (л. 109 об.).

Тяжелое заболевание, о котором упоминает Пожарова, — костный туберкулез, радикально изменивший всю ее жизнь. «После того как я тяжело заболела, — сообщает Пожарова, — я *умышленно перестала читать стихи, запретила* себе всякую мысль о стихах, мне было страшно взглянуть на стихотворную строку. Я старалась вытравить невытравимое» (л. 115 об.). Ограниченная пространством своей небольшой комнаты, подолгу прикованная к постели, Пожарова была

³⁹ Имеется в виду: Пожарова М. Солнечные зайчики. Рисунки С. Чехонина и Е. Белухи. Л.: [Гос. изд-во], 1924. 150 с.

⁴⁰ Лев Моисеевич Клячко (1873–1933), литератор, журналист, издатель. Учредитель, владелец и редактор издательства «Радуга» (1923–1930), основной специализацией которого стала детская литература (в «Радуге» сотрудничали, среди прочих, К. Чуковский и С. Маршак, а также лучшие советские иллюстраторы).

Т. Жуковъ.

С.П.Б.
МОРСКАЯ 12.

М. Пожарова, 1900-е гг. Литературный музей ИРЛИ
M. Pozharova, 1900s. Pushkin House. Literary
Museum

вынуждена вести ежедневную борьбу за выживание. Недуг усугублялся безденежьем и тяготами советского быта:

До 1939 г. мне никогда не приходилось жить в коммунальной квартире. — После смерти сестры въехала женщина, которая иногда по три месяца не ночевала в квартире, и я жила в великом одиночестве и в великих мечтах, но крайне мучилась тем, что огромные свирепые крысы, ничуть не боясь меня, сидели у меня на комоде и на постели (л. 115 об.).

Тяжело больную Пожарову, прикованную к инвалидному креслу, часто навещал во второй половине 1930-х гг. В.С. Миролубов, ее первый редактор. Его внимание было для нее живительной моральной поддержкой, о чем свидетельствует сохранившаяся переписка⁴¹.

Тягчайшим испытанием для Пожаровой оказалась Блокада, которую она пережила в осажденном городе — от первого до последнего дня. Этому трагическому времени посвящено несколько ретроспективных записей в ее дневнике. Привожу отрывок:

В 1941 г, в течение долгого периода, ежедневно по 2–3 раза в сутки завывала сирена, гремели зенитки, пылало небо, и совсем

⁴¹ ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 218; Ф. 185. Ед. хр. 933..

близко от меня происходили воздушные бои. Громадный пятиэтажный дом, в котором я живу, сотрясаясь до основания, во всех окнах были выбиты стекла; деревянные сараи сгорели от зажигательных бомб; но дом уцелел. А вокруг много домов было разрушено. В ноябре в садик близ моего окна упала небольшая бомба, и в комнату ворвались глыбы земли, комья снега, лед, куски расщепленных деревьев и кустов. Меня ударило взрывной волной и, хотя я была далеко от окна, мои плечи и голова были покрыты землей и мерзлым снегом. Я была совсем мокрая от снега. Все стекла в моем громадном окне были выбиты. После этого почти три недели я ночевала в бомбоубежище. Я спала там в пальто и шляпе, *сидя* на маленьком табурете. Ежедневно происходили яростные бомбежки. Люди в то время не раздевались *месяцами*. Наконец мое окно заколотили папкой и фанерой. Я топила железную времянку. По комнате ходил ветер от окна. В сильные морозы у меня в ведре и в кастрюлях замерзала вода. Замерзали чернила. Градусник показывал 3–4° ниже нуля (по Реам<юру>). Четыре градуса мороза в комнате! А зима стояла лютая. Смертное оцепенение охватывало меня. На мне было 16 предметов одежды и ватник; а сверху я была закутана в ватное одеяло. Холод парализовал меня. Я коченела и по несколько раз в день почти теряла сознание. Жизнь превращалась в бред. Жизнь протекала в вечном мраке (л. 113).

Выдержать тяготы блокадного времени Пожаровой помог ленинградский Литфонд. Она смогла выстоять и сохранить себя нравственно. Но единоборство с болезнью и бытом продолжалось и после войны. «Я живу в дикой непрерывной физической пытке», — записывает Пожарова в 1948 г. (л. 134). И спустя несколько лет: «Весь мой *видимый мир* ограничен комнатой в 15 метров. Это тюрьма. <...> Неужели я буду жить еще несколько лет и уже никогда не побываю *в лесу*? Не увижу сады, Эрмитаж, Неву?» (л. 168 об.–169).

Среди тех, кто поддерживал ее после войны, были К. Чуковский и С. Маршак. «Корней Иванович написал мне так сердечно, с такой добротой, что я заплакала радостными слезами и плакала долго, и слезы облегчили меня и смягчили мою окаменелую от пережитых испытаний и мучений душу», — записывает она 28 мая 1944 г. (л. 117 об.). «...Многие стихи из Вашего сборника, — писал ей 16 мая 1946 г. Самуил Маршак, — очень взволновали меня. Последние стихи — “взрослые” — прекрасные стихи большой поэтической высоты, сосредоточенности, силы.

Сохранить в жестоких испытаниях, в тяжелой Вашей болезни такую силу души, такую крепость таланта — дело не простое. Это почти подвиг. Я горячо надеюсь, что нам удастся после некоторых усилий выпустить Вашу книгу»⁴².

Речь в этом письме идет о сборнике избранных стихов Пожаровой, которые она надеялась выпустить в послевоенную пору. Маршак энергично содействовал ей в этом, рекомендовал ее стихи и «Детгизу», и «Советскому писателю», пытался заинтересовать ее судьбой и О.Д. Форш, и влиятельного тогда Н.С. Тихонова, — все это явствует из его писем. «Советую Вам предложить “Советскому Писателю”, — пишет он Пожаровой 26 июля 1946 г., — широкий выбор стихов для детей, отметив то, что Вы считаете лучшим и необходимым. То же проделать и со стихами для взрослых.

Кроме того, Вы можете, если это нужно, сказать “Советскому Писателю”, что я готов принять участие в выборе стихов. Только бы это не задержало издания...»⁴³.

Однако издание в «Советском писателе» не состоялось⁴⁴. Не увенчались успехом и другие попытки Пожаровой напечатать сборник своих «лирических» стихотворений (этим словом Маршак определил однажды ее стихи для взрослых⁴⁵). В Ленинграде вышли лишь брошюры для детей «Загадки» (1946), «Ручеек» (1947; под ред. С. Маршака); в 1950-е гг. ей удавалось (хотя и неоднократно) выпустить небольшие сборники «для младшего возраста» и «дошкольников». А спустя 20 лет после смерти увидело свет посмертное издание стихов Пожаровой, опять-таки «для дошкольного возраста»⁴⁶. Ни одного сборника «взрослых» стихов Пожаровой не появилось до настоящего времени.

М. Пожарова, 1927 г. Литературный музей ИРЛИ

M. Pozharova, 1927. Pushkin House. Literary Museum

⁴² ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 165. Л. 4.

⁴³ Там же. Л. 8–8 об.

⁴⁴ На письме к ней С.Я. Маршака от 20 декабря 1946 г. Пожарова сделала (уже в 1950-е гг.) следующее пояснение: «“Советский писатель” собирался издать мою книгу и списался со мной, но вышло постановление о журналах “Звезда” и “Ленинград” — и, разумеется, выпустить книгу оказалось невозможным» (Там же. Л. 10 об.).

⁴⁵ Письмо от 20 декабря 1946 г. // Там же. Л. 9 об.

⁴⁶ Пожарова М. Колодец. М.: Малыш, 1979. 6 с.

Публикуемые ниже записи находятся в тетради, обозначенной в архивной описи как «Дневник М.А. Пожаровой с автобиографией и кратким перечнем ее произведений. 1906, июнь 21 — 1954 г.» (РО ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 218). Правда, «дневником» эту рукопись можно назвать лишь условно. Пожарова годами не раскрывала свою тетрадь; записи делались произвольно, от случая к случаю. Некоторые записи представляют собой черновики писем (видимо, не отправленных), разговор с воображаемым собеседником... Порой она копировала и подлинные письма (как собственные, так и письма к ней). В целом же, дневниковые записи Пожаровой — важнейший и основной источник для ее биографии.

Явные ошибки в рукописном тексте исправлены без оговорок. Учтена и авторская правка — в тех местах, где ее удалось расшифровать.

Общеизвестные имена не комментируются.

М. Пожарова

Из дневника

<1909>

Пятница, 13 ноября. Была у З.Н. Мережковской. Она говорила со мной 1 ½ ч<аса>, была очень добра и приветлива и сказала, что у меня *настоящие способности*. Она очень строга как критик; «Я нетерпимая! — сказала она. — Но это только относительно бездарностей. Вы, без сомнения, одарены и должны идти вперед. Надо бывать с людьми, надо познакомиться с Вяч<еславом> Ивановым. Приходите ко мне и пришлите мне Ваши стихи». Она много говорила про поэзию, расспрашивала меня о моих отношениях к миру, к людям и к Богу. Я видела также Д. Мережковского.

28 ноября. З.Н. Гиппиус разобрала мои стихи и написала мне удивительно доброе письмо. «Для меня нет сомнения, — говорит она, — что у Вас большие способности к стихам и внешние, и *внутренние*» (последнее слово она сама подчеркнула). Далее она говорит о струнах моей души, которые «не натянуты», надо испробовать все, чтобы *затемнить* эту беспощадную ясность¹.

«Я согласен, что дважды два четыре — превосходная вещь, но если уже все хвалить, то и дважды два пять — премилая иногда вещичка», — говорит Достоевский². И я хочу еще побороться с этим дважды два четыре, которое теснит меня, как узкое кольцо, и кричит, что «оно — все», а *я* от себя, не могу ничего.

1910 г. Петербург

15 сентября 1910. Прошло 9 месяцев... Боже, как бежит время! Но мне кажется, я не ушла вперед, как обещала, и не убила свою слабость. Не пора ли примириться с собою и не надеяться на выработку недостающих мне душевных качеств? Трудно человеку не желать и не надеяться.

Запишу мелкие события недавнего прошлого. Я познакомилась с Еленой Лудвиг, кот<орая> живет в Варшаве и Лодзи. Она написала мне три письма. В «Ниве» было напечатано мое стих<отворение> «Небесная колокольня» с двумя ангелами Melozzo <так!> da Forlì³. Одна дама приезжала ко мне с просьбой написать ей стихотворение ко дню золотой свадьбы ее отца — чужая незнакомая дама. Вольф⁴

посоветовал ей обратиться ко мне. Я согласилась и получила 8 р. гонорара. — Забавный случай!

Журнал «Аполлон» (издает С. Маковский) принял мои стихи «Лесные качели». Это была для меня огромная радость, целый триумф. (Октябрь⁵: в сентябрьской книжке «Аполлона» эти стихи были напечатаны.⁶) «Русская Мысль», «Новый Журнал для Всех», «Родник», «Всходы», «Зад<ушевное> Слово» также приняли множество моих стихотворений. В «Зад<ушевном> Слове» был помещен (на первой стран<ице>) мой собственный рисунок — надо сознаться, очень неумелый! — к ст<ихотворению> «Фея снов»⁷. «Родник», «Всходы» и «Зад<ушевное> Слово» напечатали мои сказки (в прозе)⁸.

Лето мы прожили в Перкиярви⁹. <...> В «Зад<ушевном> Слове» вторично был помещен мой портрет¹⁰. Всего мой портрет был напечатан трижды: два раза в «З<адушевном> С<лове>» и в книге «Сказки русских писателей»¹¹.

<1912>. Петербург

В пятницу <правильно: субботу> 23 ноября 1912 вернулась из Финляндии в Петербург. До 19 дек<абря> побывала в «Ниве» (приняты все стихи и рассказ «Бессонница»¹²), в «Тропинке» (к сожалению, этот журнал прекращает свое существование; в последнем № идут стихи Бальмонта, Блока и дру<гих>, а также мои)¹³, в «З<адушевном> Слове», во «Всходах» и в «Заветах». «Заветы» — новый толстый журнал. К участию в нем меня привлек Миролубов¹⁴.

Познакомилась с критиком и литератором Ник<олоам> Ник<олаевичем> Вентцелем¹⁵. Седовласый старик, полный жизни и бодрости. Очень симпатичная личность. Принял во мне большое участие. Он хвалит мои стихи и находит в них «подкупающую свежесть»¹⁶. Через него я попала на собрание Кружка Случевского. На вечерах, основанных в память Случевского, собирается тесный кружок литераторов (посторонние не допускаются), и каждый присутствующий *обязан* прочесть три своих стихотворения. Н.Н. Вентцель написал мне премилое письмо, в котором передал приглашение поэтессы и писательницы Мар<ии> Григ<орьевны> Веселковой-Кильштедт¹⁷ приехать на очередное собрание в ее квартире¹⁸. Кружок Случевского собирается раз в месяц попеременно у главных членов Кружка: в квартире Кильштедт, Вентцеля, Фидлера¹⁹ и др<угих>. Членами Кружка состоят Фидлер, Авенариус²⁰, Гумилев, Мазуркевич²¹, Зоя Бухарова²², Кривич²³, Дм<итрий> Цензор²⁴ и мн<огие> другие (кажется, и Ф. Сологуб). Я набралась храбрости и поехала на собрание. Опишу подробно этот вечер. Вышла из дому

в 10 ½ вечера, вернулась в 4 ч<аса> ночи. [На мои сношения с людьми я смотрю не как на «настоящую жизнь», а как на временное поверхностное развлечение, не затрагивающее моей души. Настоящая моя жизнь — в одиночестве и в тесном общении с природой.]²⁵

Итак, в большой богато убранной квартире Веселковой-Кильштедт²⁶. На этот раз поэты не забрались на мансарду: они сошлись в гостиной с золоченой мебелью. Хозяйка вышла ко мне в переднюю. «Я думала, вы дама средних лет, — сказала она мне, — и вдруг вижу девочку! Вы девочка, совсем девочка — это удивительно».

Она повела меня в комнаты и познакомила со всеми присутствующими. Н.Н. Вентцель подсел ко мне и спросил, принесла ли я мои стихи и прочту ли их вслух. Я принесла «Сивиллу Дельфийскую»²⁷, «Тучки»²⁸ и «Вереск»²⁹, но читать сама отказалась и просила его прочесть за меня. Во время нашего разговора ко мне подошли три поэта: один пожилой и двое лет 35–40. «Мой альбом уже давно ждет Вашего автографа, будьте добры написать мне несколько слов!» — сказал первый, и остальные, с любезными улыбками, повторили эту же просьбу. Меня повели в кабинет. Смущенная, я вписывала по очереди в их альбомы четверостишия из моих стихов, напечатанных в «Весах» и «Русской Мысли»³⁰. Воображаю, что за каракули я начертила! Теперь расскажу про более интересную часть вечера. Все расселись вдоль стен самой большой комнаты (я видела залу, гостиную, кабинет и столовую) и стали декламировать свои стихи — каждый поэт прочел по три стихотворения. Я сидела рядом с дочерью знаменитого Случевского³¹; она также пишет стихи. Молодая, хорошенькая, веселая и очень бойкая. С другой стороны рядом со мной сидел маститый Авенариус, автор «Отроческих и юношеских годов жизни Пушкина»³², которыми я так увлекалась в детстве. Что за чудесный старик с длинной, белой, как снег, бородой! Недалеко от меня сидели также Мазуркевич, Дмитрий Цензор и какой-то молодой поэт, крайний декадент, фамилию которого я не запомнила³³. Всего присутствующих было человек 20³⁴. — Чтение стихов сопровождалось обменом мнений, критическими замечаниями и возражениями. Мои «Тучи» понравились. Их нашли свежими, образными. Авенариус посоветовал мне заменить у старикашки колпак шапкой³⁵: «От слова “колпак” веет немецким духом». Читал Кривич: по его словам, он — один из основателей «Аполлона»³⁶, автор изысканной книги «Цветотравы»³⁷. (Я лично ее не читала.) Во время чтения в зале появился огромный ньюфаундленд и величаво разлегся на ковре.

Поздно, я буду продолжать завтра.

(31 дек<абра>). Ночь с 31 дек<абра> на 1 января 1913.

<начало января 1913>

Только сегодня собралась продолжать описание вечера в Кружке Случевского. Чтение стихов затянулось почти до двух часов ночи. Затем отправились ужинать. Сначала холодная и горячая закуска (паштеты, диговинная яичница и т. п.) в гостиной, после — большой ужин в столовой. Громадный стол уставлен винами, фруктами, закусками. Разносят дымящиеся блюда; дичь, заливное (вот так дымящееся блюдо!), еще какое-то мясное трупное яство с каштанами на приправу. Наконец, пломбир — его кладу себе на тарелку и я, вегетарианка. Ем бананы. Мое вегетарианство возбуждает разговоры, это мне неприятно.

Разносят кофе в миниатюрных чашечках. За ужином со мною много говорили Н.Н. Вентцель и Дмитрий Цензор. Еще раньше Цензор подошел ко мне и сказал: «Вообразите, как странно: я только что спросил у хозяйки дома: “Пожарова у вас не бывает?” — “Тише, да вот она здесь сидит!” — ответила Мария Григорьевна...»

Он говорил мне, что помнит мое «выступление», мои первые стихи и декламировал наизусть отрывки из двух моих стихотворений (это безгранично меня удивило). Говорил, что меня хвалили серьезные поэты и что слог у меня безукоризненно выработан (увы, далеко, далеко мне до этого!). Рассказывал, будто бы в редакциях меня считали каким-то воздушным существом, не от мира сего (конечно, вследствие моей застенчивости).

«Вы не похожи на других женщин, — говорил он. — Какие нервные у вас глаза. И вы свободу любите, никогда о замужестве не думаете». Вот это правда, угадал. Он хотел проводить меня до дому, и Вентцель также хотел меня проводить, но случилось так, что я дала согласие на ту же просьбу изломанному самонадеянному эстету Кривичу. Мне до сих пор жаль, что я не пошла с Цензором. В передней Цензор сказал мне: «Как бы нам поскорее увидеться, где бы встретиться? Я должен скорее опять вас увидеть». — «Мы увидимся на следующем собрании», — ответила я. «Как, через месяц? Это слишком долгий срок! Нельзя ли переговорить с вами по телефону?» — «Я не приглашаю вас к себе по семейным обстоятельствам», — сказала я. Он смутился. Я повторила, что мы, вероятно, встретимся в январе.

Кривич на улице всю дорогу (я захотела пройти пешком, видя, что и ему этого очень хочется) экспансивно и экзальтированно декламировал мне стихи. Это женатый господин в соболях, помешанный на своих предках и постоянно упоминающий о своем «родовом клочке». И в стихах у него часто фигурируют предки и родовые пор-

треты. Женат, а любит поухаживать³⁸. «Скоро мы подойдем к вашему дому... Ах, как мне это тяжело!» — вздыхал он. Какие вам прочесть стихи: резкие или такие, такие...», и он тяжело описывал рукою волнообразную линию в воздухе. «И те, и другие», — ответила я, довольная, что могу не разговаривать с ним, а слушать декламацию. Он уговаривал меня баллотироваться в члены Кружка. На вечере многие другие также уговаривали меня баллотироваться³⁹. Ах, пора спать, опять поздно. Господи, дай мне исцеление от моей бессонницы, она совершенно измучила меня. <...>

Среда 16-го <января>. День больших волнений. Несмотря на слабость и нездоровье, я поехала к Поликсене Сергеевне Соловьевой. У нее сидели: В. Каррик⁴⁰, Н.И. Манасеина⁴¹ и мать Блока, пожилая дама, удивительно хорошо знакомая со всеми новейшими течениями в литературе⁴². Говорили обо всяких премудростях. Я очень смущалась. Узнала, что мои стихи уже напечатаны в «Галченке»⁴³. В. Каррик показывал свои интересные карикатуры. Когда он ушел, Поликсена Сергеевна сказала, что она хочет обратиться со сборником моих стихов к одному московскому издателю. Это решится в феврале. Взволнованная, вернулась я домой.

26-го <января>. Во второй раз была на собрании Кружка Случевского. Квартира Николая Николаевича Вентцеля. Собралось более 30 человек поэтов и поэтесс. Из талантливых — Гумилев, Анна Ахматова (стильная, изящная, манерная), Коковцев⁴⁴, Кондратьев⁴⁵ и др. Я набралась храбрости и сама прочитала вслух мои стихи: «Синие Острова»⁴⁶ и «Елочные гости»⁴⁷.

Неприятно было то, что Бурнакин (критик из «Нового Времени», заменивший теперь Буренина)⁴⁸ аплодировал мне после «Елочных гостей» и даже вскочил с места с криком «Браво!»⁴⁹

<1914>

19 марта. Слушала «Парсифаль»⁵⁰. Хорошо. На днях была у В.С. Миролубова, он ласков со мной. Встретила у него поэтессу Моравскую⁵¹. Она певучим тонким голосом продекламировала свое стихотворение. Мне она показалась умной и немного деланной, — минутами она старалась быть наивной.

30 марта. <...> За эти десять дней крупное событие: наконец-то я собралась с духом и пошла к «писателям» на собрание кружка

Случевского. Я встретила Н.Н. Вентцеля на «Весенней выставке»⁵², и он сказал мне, что соберутся у него на квартире 22 марта⁵³. В этот день я страшно волновалась и лежала в кровати. Приехала к 11 часам. Было довольно много народа, между прочими — Гумилев, Цензор, Случевская, Коковцов, Опочинин⁵⁴ и Веселкова. Когда наступила моя очередь читать стихи, я прочла две вещи: «Бессонная ночь»⁵⁵ и «Лесное сердце»⁵⁶. Меня очень смущало присутствие Гумилева. Перед ужином я хотела уйти, но хозяйка насильно, под руку, притащила меня к столу. Я надеялась, что буду сидеть рядом с какой-то пожилой дамой, но вдруг соседом моим оказался... Гумилев! Первый из «настоящих» поэтов, с которым мне пришлось говорить. (Впрочем, ошибаюсь: я ведь была у З. Гиппиус.) Итак, «настоящий» поэт вступил со мной в разговор, и мы говорили, говорили без умолку весь ужин, а затем он попросил разрешения проводить меня домой. Я с большим внутренним удовольствием согласилась. Я не захотела ехать на извозчике, и мы дошли пешком до самого моего дома с 16<-й> линии В<асильевского> О<строва>. Я вернулась домой в 4 ½ ч<аса> ночи.

У Гумилева характерное лицо с несколько странным выражением глаз. В голосе его чувствуется, что-то манерное, он привык быть «особенным», изысканным, рафинированным. Говорит очень сложными, туманными фразами, любит парадоксы. Я часто не понимала его. Привык слегка позировать и декламирует стихи приподнятым голосом. Но, несмотря на все это «внешнее», в нем, думается мне, есть много милого, почти детского, детски забавного. Напр<имер>, узнав, что я вегетарианка, он, бедный, из внимания ко мне тоже не ел ничего за ужином, боясь оскорбить меня трупоедением. Сперва я удивлялась этому, потом нашла это милым. Он клал себе на тарелку только то, что брала я: грибы, салат, пломбир. До мясных блюд, дичи и омаров он не коснулся. Говорили мы не переставая. Я часто давала толчок разговору, упомянув, напр<имер>, про Беноццо Гоццоли⁵⁷, про Т. Готье, про Блока и Белого, заговорив про свободу воли и т. п. А затем мне оставалось слушать его парадоксальные, но очень занимательные суждения. Говорит он красивыми, изысканными словами, и во время разговора с ним часто чувствуется, что это «настоящий» поэт. (Я написала глупость в последней фразе: настоящая поэзия, конечно, не в красивости и не в изысканности; словом, я хочу сказать, что, помимо всего этого, в нем чувствуется настоящий хороший поэт.) <...>

Гумилев обратил большое внимание на форму моих длинных, характерно утончающихся в конце пальцев с миндалевидными ногтями. Он сказал, что ему никогда еще не приходилось видеть такой руки. «...Самые утомленные люди — это подростки, — сказал

он. — ...Синева, глубокая синева, как у Беато Анджелико... — Он на мгновение поднял перед моим лицом десертную тарелочку: — Вот так чувство мучительной жалости заслонило от вас все остальное в мире»... Африка: он уже 4 раза путешествовал в пустынях Сахары⁵⁸. Рассказывал про свои странствия с караваном и про опасности, кот<орым> он подвергался. Рассказывал про миражи и про видение каравана мертвецов. Гумилеву действительно явился этот призрачный караван, — его рассказ звучал очень искренно. «...Черные должны быть идолопоклонниками. “Красиво” когда черный молится золотому идолу». Гумилев старался совратить в идолопоклонство абиссинцев-христиан, но ему «удалось» только одного из них перевести в магометанство. (!!)... Развивал передо мною теорию акмеизма. Кстати, это словцо, для обозначения новейшего течения в поэзии, им же самим придумано... Вспоминал одобрително про мои стихи, напечатанные в «Аполлоне»⁵⁹. Удивлялся, что меня нигде не видно, и предложил присылать мне повестки на литературные собрания. Я поблагодарила, но просила теперь не присылать и в конце концов договорилась с ним так, что я напишу ему мой адрес, когда мне захочется побывать в этих обществах. «...Я не могу никуда ходить. Я боюсь людей, не могу говорить с ними», — сказала я. «Однако мы говорим с вами весь вечер!» — возразил он. И убежденным голосом добавил: «Всеми признано, что я очень “трудный” собеседник». Не помню, как он дальше выразился, но он намекнул, что всем в литературном мире известно, что говорить с ним — мудреная, сложная штука, что он часто сбивает с толку собеседника своими парадоксами и утонченной мудростью речей своих. — Не чувствуется ли что-то детское в Гумилеве?.. Потом я расспрашивала его про Брюсова, Белого, Бальмонта как людей, и он рассказал много интересного. <...>

<1915>

22 марта. <...> Я забросила дневник, а между тем за последние месяцы в моей духовной жизни произошло много событий, и главное из них — знакомство с Моравской, о котором впоследствии напишу подробнее. Пока еще у меня не составилось о ней определенного мнения. И потому — только факты. Моравская однажды приснилась мне. На другой день или через два дня после этого сна я неожиданно встречаюсь с ней у Миролубова (кажется, в четверг 11 февраля). Она пригласила меня к себе на следующий понедельник. У нее я встретилась с поэтом Вяткиным (с женою, очень милая, молоденькая, называется «Капелька»⁶⁰).

М. Пожарова, Г. Вяткин с женой Капитолиной в гостях у М. Моравской (16 февраля 1915 г.).

Литературный музей ИРЛИ

M. Pozharova, G. Vyatkin with his wife Kapitolina visiting M. Moravskaya (February 16, 1915).

Pushkin House. Literary Museum

Вечер провела я хорошо, мне нравилось, что вокруг меня талантливая интересная молодежь. Моравская была приветливой хозяйкой. Живет она с одним молодым человеком, который мне показался симпатичным. Зовут его Франц Густавович Эртнер, и живут они вместе уже 6 лет⁶¹.

Через несколько дней после этого мне удалось познакомиться с Агнесой Эдуардовной Линдеман⁶². Я поехала к ней просить ее написать Сытину запрос по поводу «Бубенчиков»⁶³, которые он бессовестно долго задерживал в типографии. Линдеман была очень мила со мною. Я пригласила ее к себе. И вот, наконец, пришел торжественный для меня день, когда я должна была принимать моих гостей. <...>

Этот вечер прошел удачно. Моравская была тонка, изыскана и великолепно читала свои стихи. Большую эстетическую радость принесла слушателям своим чтением. И она, и Франц Густавович во

время разговора в гостиной небрежно играли с красивыми четками из Смирны, которые они принесли с собой. Это перебирание четок вносило нотку оригинальности в их манеру держать себя. Вообще они оба молоды, изящны, но слегка изломаны, и у Моравской (про «Франика» этого не скажу) рассчитанная искренность минутами сочетается с манерностью. Иногда Моравская умеет быть ребенком, иногда она — зрелая, опытная женщина. *«Искушенная, изощренно хитрая»*, — сказал про нее Миролюбов. Но я не раз видела в ней существо высокого горения духа, и в ней несомненно пылает огонь Божий. Натура ей дана сильная, смелая, жадная в жизни, быть может, немного хищная. Но в своей любви к искусству она бывает трогательна. Мне кажется, она любит поэзию всецело и самозабвенно как истинная служительница ее. Франик — полная ей противоположность во всем том, что касается материалистического тяготения к земным благам и смелости порыва и захвата. Он — пассивная натура, она — активная, и твердой рукою управляет им. Франик меланхоличен, добр, *стараются* быть эстетом. В нем много привлекательного как в человеке, и внешность у него изящная: высокий, с тонким правильным профилем — «претендент на польский престол», как, смеясь, говорил про него Вяткин. Линдеман — девушка из хорошей семьи (отец ее занимал большой пост⁶⁴), очень восторженная и скромная. Она умна, знает себе цену, держится просто и с достоинством. <...>

— Расскажу теперь, как я побывала в гостях у Сергея Городецкого, у Миролюбова и у Моравской на собрании поэтов.

У Городецкого я была, чтобы переговорить относительно издательства «Грядущий день» (закрылось на время войны)⁶⁵. Он сделал мне дорогой подарок: дал книжку с автографом: «Милому поэту Марии Андреевне Пожаровой с дружеским приветом автор». Показал свою дочурку Наю и свою приемную дочку⁶⁶, познакомил меня с женой⁶⁷. Говорил со мной очень ласково, просто, был чрезвычайно привлекателен. Миролюбов метко сказал про него: он «нежный». Т. е. слащавой нежности — ни следа, в глазах же мгновеньями задорное веянье; но и своя какая-то интимная *белокурая нежность* в нем есть. И сочетается она с деловитостью, с умением делать расчеты, заниматься цифрами. А вместе с тем и поэтическая безалаберность в нем есть...

К Миролюбову я ездила с «Бубенчиками». Он сердечно разговаривал со мной, и я провела у него три часа, потому что он не отпускал меня. Мы говорили про стихи и про поэтов. Говорили про войну. Редкий человек, большое сердце. Очень понравилась мне дама, которая работает у него в конторе. Зовут ее Вера Леонидовна⁶⁸. <...>

<1916>

31 марта. Читала стихи в Тенишевском зале на «Вечере поэтесс»⁶⁹.

За два дня до вечера была у Н. Кульбина, футуриста⁷⁰. Очень интересный разговор. Когда будет время, опишу непременно. Он считает себя «реалистом». Мои стихи так понравились ему, что он хочет говорить о них в своей лекции. Не отпускал меня, поил чаем, говорил со мной 3 часа. Маньяк, энтузиаст. Обстановка его квартиры очень оригинальна: футуристические картины, диковинные надписи по стенам, всяческие замысловато-таинственные предметы на полках и столах.

Я пришла к нему как к врачу за рецептом для возбуждения сил перед выступлением в Тениш<евском> зале. Он развернулся передо мной как человек, заслуживающий внимательного изучения. На прощание он подарил мне футуристические брошюры и две фигурки из прозрачного светящегося розового сахара (мышка и зайченки). Фигурки эти, завернутые в вату и хранившиеся в особом стеклянном сосуде, являются символом поэзии особого уклона. Об этом расскажу после. <...>

<Май 1916> Зимой приходилось мне иметь дело с литераторами, но впечатление от моих сношений с ними я вынесла довольно тусклое и в общем отрицательное. Не тянет меня к людям. *Может быть, это мой грех, но, вернее, это моя судьба.* — Моравская читала две лекции: в Тенишевском зале и в зале Петровского училища⁷¹. Оба раза слушателей было очень много. Первая лекция «Женщины о себе» была о женщине и о женском творчестве⁷²; вторая называлась «Волнующая поэзия»⁷³. В обеих лекциях она упомянула про мои стихи и даже выразительно прочла два моих стихотворения, написанные на смерть мамы⁷⁴. Во второй лекции она долго и с большими похвалами разбирала мое стихотворение «У гроба»⁷⁵.

Стихи на смерть мамы были напечатаны в «Русской Мысли»⁷⁶ и в «Ежемесячном журнале»⁷⁷. Милолюбов просил меня бывать у него на вечерних собраниях литераторов. Я ездила к нему два раза⁷⁸. За большим столом сидели тесным кружком наши знаменитые бытовики и поэты с торжественно-углубленным видом и великие долгие прения за стаканами чая. Они словно священнодействовали. Кто-нибудь из них читал свое беллетристическое произведение, а затем каждый, по очереди, высказывался по поводу прочитанного. Некоторые говорили очень долго и нудно. Наиболее талантливые ограничивались двумя-тремя меткими и подчас очень хлесткими

фразами. Кого из них могу я сейчас припомнить? Алексея Ремизова. И Клюева, Чапыгина, молодого Сергея Есенина, Замятина, Вяткина, Шульговского...⁷⁹ Ал<ексей> Ремизов напоминает нежить лесную, какое-то славное всклокоченное чудище. От него Русью пахнет и стариной, и старообрядчеством, и кикиморой⁸⁰. Есенин, в длинных золотых кудрях, смахивал с первого взгляда на красную девицу, а потом напомнил мне какую-то призрачную нестеровскую фигуру⁸¹. Одет он был так же, как и Клюев, — «крестьянином». Говорят, они часто выступали на эстраде в нарядах «оперных пейзажей» — цветные рубахи с поясами. Когда я во второй раз увидела Есенина в литературном клубе «Медный всадник» — обстриженным и в пиджачке — я почти не узнала его. Эта метаморфоза произошла потому, что бедного юнца взяли в солдаты⁸². Жив ли он теперь?⁸³ И Клюев, и Есенин говорят с нарочито крестьянским выговором. И поэтому, когда они начинают рассуждать о Ш. Бодлэре⁸⁴ или об Оск<аре> Уайльде⁸⁵, выходит сплошное «нарушение их стиля». Среди этих мужчин я была единственной женщиной и сидела, как на иголках, с моей робостью и застенчивостью. Оба раза меня заставили читать стихи. На этих вечерах Миролюбов явился мне в несколько ином свете, чем я привыкла его видеть. Он был каким-то генералом от литературы.

Есенин сказал мне наизусть первые шесть строк из моего стих<отворения> «Заря и туман», напечатанного в «Ежем<есячном> журнале» в июне 1915 г.⁸⁶ Есенин сидел рядом со мною. Разговаривал со мною о стихах и об Оскаре Уайльде.

— Побывала я и в Кружке Случевского. Собрание проходило на квартире у Авенариуса⁸⁷. Были Гумилев, Борис Садовской, Мария Левберг, Екат<ерина> Галати⁸⁸, Коковцев и многие другие. Я читала стихи на смерть мамы⁸⁹. Из присутствующих назову еще Курдюмова, старика Быкова⁹⁰, Бор<иса> Богомолова⁹¹.

В конце года я совершенно неожиданно получила от Уманова-Каплуновского извещение, что меня избрали *членом* Кружка Случевского⁹². — На этом вечере я познакомилась с Борисом Садовским, известным критиком поэтом, пушкинистом. У него и физиономия стильная: напоминает эпоху Грибоедова. В профиль он сильно смахивает на Пушкина. Когда мы с ним встретились во второй раз на маленьком вечере у Екат<ерины> Галати⁹³, хозяйка сказала ему, что он похож на «Пушкина в гробу», — Садовской в это время сидел, полулежа, на диване. Это было метко сказано, но больно задело нервного поэта. Садовской колоссально женолобив. Он и за мной принялся ухаживать и прислал мне книгу своих стихов «Полдень»⁹⁴

с прекрасным автографом: «Марии Андреевне Пожаровой на снисходительную память». Но вместе с книгой прислал и довольно милое письмо с предложением побывать у него в гостях. Я ответила как следует. Он прислал второе письмо с длиннейшими объяснениями и извинениями, написанное вполне корректным тоном, хотя и не без горячности⁹⁵. Когда я впоследствии опять встречалась с Б. Садовским, он всякий раз учтиво говорил про меня: «Я боюсь ее!» — и держал себя мило, внимательно, очень прилично. Встречались мы еще раза три. Екат<ерина> Галати была у меня, и я была у нее вечером. Мы вместе читали стихи в Тениш<евском> зале. Устроительница «Вечера поэтесс» Ек<атерина> Бунге⁹⁶ пригласила Галати участвовать на этом вечере благодаря мне. Я много говорила Бунге про Галати и просила поставить ее имя в программу. Галати замужем за присяжным поверенным М. Косвен<ом>. Оба они симпатичны своей энергичной молодостью. Галати — натура талантливая, смелая в обществе, веселая, безусловно правдивая. Она пойдет вперед быстрыми шагами. Она умеет поддерживать разговор, метко шутить, парировать удары. Словом, у нее есть все качества, которыми я не обладаю.

Она повела меня в клуб «Медный Всадник». Съезд был к 12-ти час<ам> ночи. Я видела множество эстетов с мистическими физиономиями. Все силятся изобразить на лице нечто значительное. Поэтессы раскрашены и в париках. Тут же много актрис; между прочим, была Л. Яворская, княгиня Барятинская⁹⁷, и она держала себя более естественно, чем все остальные дамы. Был композитор Прокофьев⁹⁸ — в будущем сезоне пойдет на Мариинской сцене его опера «Игрок», которую очень хвалят⁹⁹. Были поэты и писатели: Садовской, Рославлев, стилизатор Ауслендер (красивый еврей), неизбежный Дм<итрий> Цензор, Есенин, Модзалевский <так!>¹⁰⁰, Лариса Рейснер и мн<огие> другие, сейчас не могу припомнить. Общий характер клуба «Медный Всадник» таков: на первом плане эстетство, и все стараются изобразить собою «золотую молодежь от литературы». Общество «фешенебельное», как выразился бы Иг<орь> Северянин¹⁰¹.

Особенно запомнилась мне не декламация поэтов, а два попугая в столовой за ужином; один из них, взбурдаженный шумом большого общества в столь поздний час, неистово вопил: «Здравствуй, попочка! Здравствуй, попочка! Здравствуй!»¹⁰² Не только дамы, но и многие из мужчин были напудрены, так сказать, изящно подмалеваны. В воздухе носилась натянутость. Это была богема, не знаю зачем сияющая казаться золотой молодежью. И ведь всё люди

талантливые! Если взглядеться поглубже, лица похожи на *маски*: все свое, истинное, они схоронили глубоко в душе, а здесь «эстетствуют». И подмечаешь в них что-то измученное. В конце концов, все эти люди гораздо интереснее и значительнее в своих книгах, чем в обществе. Это естественно: все лучшее поэт отдает творчеству, а в общество несет только свою усталость. Так оно и должно быть в сущности...

— Рассказать ли про «Вечер поэтесс» в Тенишевском зале? Конечно, мне было жутко читать первый раз в жизни перед публикой. Зал (аудитория) громадный, народу было много. Я читала очень громко, кажется, слишком громко для зала с такой хорошей акустикой.

Вот рецензия из «Петр<оградских> Вестн<иков>»: «...Что общего между скорбными стонами разбитой детской души, выявленными потрясаяще-реальными образами Марии Пожаровой (“Памяти матери”), и пламенными гражданскими мотивами Ларисы Рейснер? Но оба эти автора нашли полный сочувственный отклик в душе слушателей, ибо творчество обоих озарено высшим светом бессмертных человеческих ценностей...» (!)¹⁰³

Стихи я читала плохо. Одета была в черное газовое платье с маленькой бледно-оранжевой отделкой газовой отделкой. Юбка модная, короткая. Прическа низкая, щеки слегка подрумянены. Галати сделала комплимент моей внешности, второй комплимент сделала мне Н. Грушко¹⁰⁴, которая нашла, что на вид мне меньше 20 лет и что глаза у меня — «удивительно ясные». Я, может быть, и на самом деле была хорошенькой от возбуждения, но читала плохо. Мне снисходительно аплодировали, и пришлось во второй раз выйти и поклониться. В общем успех средний. Но я не для эстрады, не для людей; теперь сама удивляюсь, что набралась смелости читать стихи публично. — На этом вечере слышал меня какой-то футурист Н. Черкасов¹⁰⁵, кот<орый> после этого прислал мне несколько писем (одно длиннейшее!)¹⁰⁶, свою фотографию, две книги своих стихов и, наконец, явился к нам сам, хотя я в моем ответе на его письмо всячески отбояривалась, деликатным образом, от его посещения. Футурист, офицер. Его стихотворные способности весьма сомнительны (но есть в одной из его книг строки, которые очень запомнились мне: «Севера холодные могилы — Душные безмерностью леса, — Где потерянные маевеют силы — Безразличные междуцвеют голоса»¹⁰⁷).

Комментарии

¹ Приводим это письмо полностью:

Я очень рада, Марья Андреевна, если вы действительно хоть что-нибудь из моих слов услышали. Я их говорила очень искренно и уклон вашей души я понимаю, потому что в жизни приходилось и мне подходить близко к краю милой вам сейчас пропасти — нежной пропасти небытия.

Ваши стихи я все внимательно прочла и посылаю их вам с беглыми заметками на полях. Скажу Вам точно, что думаю: для меня нет сомнения, у вас большие способности к стихам, и внешние, и *внутренние*, а если в стихах нет нужной силы, резкости, движения, покоряющего железа, если они многословны подчас, расплывчаты, зыбки и туманнообразны, то причина лежит в вас самой, в сегодняшнем «образе» вашей души. Струны ее *не натянуты*. А ведь душа — та же скрипка. Если *волей* мы не можем переменить струны — то натянуть их упруго — мы можем. И звук меняется. Разве нет?

Стихи, которые вы мне прислали, нравятся мне местами больше принесенных вами. Впрочем, я многое отметила больше внешнее, а о внутреннем говорю здесь.

Последние дни я совсем нездорова и никого не вижу. Когда поправлюсь и когда захотите еще раз повидать меня (не испугаетесь, что буду бранить ваше «безволие»), — напишите; сговоримся.

А пока до свидания, и будьте здоровы.

З. Гиппиус

(ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 115; письмо от 23 ноября 1909 г.)

² «Записки из подполья» ([5, т. 5, с. 119]).

³ Нива. 1910. № 16, 17 апреля. С. 308 (пасхальный номер). На той же странице — «Музицирующие ангелы» Мелотто да Форли (Ватиканская пинаотека).

⁴ Маврикий Осипович Вольф (1825–1883), русский издатель, книготорговец, просветитель. Издавал ежедневный иллюстрированный журнал «Задушевное слово» в двух выпусках (для детей младшего и старшего возраста), где регулярно публиковалась Пожарова.

⁵ Уточнение, сделанное Пожаровой.

⁶ Раздел «Литературный альманах» в сентябрьской книжке «Аполлона» за 1910 г. (№ 10) открывался стихами Черубины де Габриак (Е. Дмитриевой), С. Мстиславской, С. Дубновой и М. Пожаровой (стихотворение «Лесные качели»).

⁷ Рисунок Пожаровой к стихотворению «Фея снов» («Легкая тучка скользит...») был опубликован в «Задушевном слове», предназначенном для детей младшего возраста (1910. № 46, 12 сентября. С. 721–722). Другой ее рисунок — к стихотворению «Белые тучки» («О зыбкие тучки, о лебеди нежные...») — помещен на первой странице «Задушевного слова» (для детей старшего возраста) в номере от 15 августа 1910 г. (№ 42. С. 658).

⁸ Имеются в виду: «Жемчужная башня» (Родник. 1910. № 1. С. 80–104); «Царевна-Дремляна» (Всходы. 1909. № 12. С. 881–891); «Воскресшее сердце. (Средневековая легенда)» (Задушевное слово. 1910. № 25. С. 397–400).

⁹ Перкиярви (с 1948 г. — Кирилловское) — поселок на Карельском перешейке (ныне — Рошинский район Ленинградской области).

¹⁰ Начиная с № 7 от 13 декабря 1909 г. журнал «Задушевное слово» (для старшего возраста) открыл на своих страницах «Галерею портретов сотрудников и сотрудников “Задушевного Слова”» (под общим заглавием «Задушевные друзья читающего юношества»). Портрет Пожаровой был помещен в № 13 от 24 января 1910 г. (с. 203). Каждый портрет сопровождался пояснительным текстом. О Пожаровой сказано:

«Пожарова, одна из самых молодых сотрудниц “Задушевного Слова”, принадлежит к числу тех сотрудниц, которые были когда-то только читательницами его,

а затем, сохраняя привязанность и дружбу к “старому товарищу-собеседнику”, стали с сами помогать ему своим талантом. И вот, помещая свои произведения на столбцах больших серьезных журналов, М.А. Пожарова решила примкнуть также и к поэтам “Задушевного Слова” — стала работать в качестве автора многочисленных стихотворений для того журнала, который она с увлечением читала в детстве» (с. 202).

Другой портрет Пожаровой в «Задушевном слове» за 1910 г. не обнаружен.

¹¹ См.: Сказки современных русских писателей (для среднего возраста). Собрала Клавдия Лукашевич. М.: Тип. изд-ва И.Д. Сытина, 1910. Т. 1. Портрет Пожаровой, завершающий ее «Весеннюю сказку», опубликован на с. 134.

¹² Рассказ Пожаровой «Бессонница» был опубликован в «Ниве» (1913. № 38, 21 сентября. С. 749–751). Стихотворение под тем же названием («Бессонная ночь шепотливо тянется...») — в «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни» (1914. № 3. С. 4).

¹³ Журнал «Тропинка» прекратился в декабре 1912 г. В последнем номере помещены стихотворения: К. Бальмонта («Комарики-Макарики»), А. Блока («Лесная тишина») и М. Пожаровой («Елочные гости»).

¹⁴ В.С. Миролюбов входил, наряду с М. Горьким и Ивановым-Разумником, в редакцию «Заветов». Во второй книжке этого журнала за 1913 г. напечатано стихотворение Пожаровой «Зовешь ты, ветер, ветер...» (с. 10). Ср. дневниковую запись от 18 апреля 1913 г.: «В редакции “Заветов”. Пошла навестить Миролюбова. Он принял меня очень сердечно. Сразу узнал. Я его не узнала бы. Изменился за 6 лет, поседел, но в общем поздоровел» (ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 218. Л. 56).

¹⁵ Николай Николаевич Вентцель (псевд. Бенедикт; 1855/1856–1920), поэт, прозаик, драматург, критик; автор нескольких детских книг. Постоянный сотрудник газеты «Новое время». С 1910 по 1912 гг. — председатель кружка «Вечера Случевского».

¹⁶ См. с. 12–13 наст. изд.

¹⁷ М.Г. Веселкова-Кильштет (Кильштедт; 1861–1931), поэтесса, прозаик.

¹⁸ Речь идет о вечере 15 декабря 1912 г.

¹⁹ Федор Федорович Фидлер (1859–1917), переводчик (русских авторов на немецкий язык); коллекционер. Председатель кружка «Вечера Случевского» в 1904–1908 гг.

²⁰ Василий (Вильгельм) Петрович Авенариус (1839–1923), писатель, прозаик (немец по происхождению). Автор популярных биографических повестей, составитель фольклорных сборников.

²¹ Владимир Александрович Мазуркевич (1871–1942), поэт, прозаик, драматург.

²² Зоя Дмитриевна Бухарова (в замужестве Казина; 1876 или 1877 – после 1928), поэтесса; литературный и театральный критик.

²³ Валентин Кривич (наст. имя и фамилия — Валентин Иннокентьевич Анненский; 1880–1936), поэт. Сын И.Ф. Анненского; автор мемуаров об отце.

²⁴ Дмитрий Михайлович Цензор (1877–1947), поэт, прозаик.

²⁵ Эти две фразы выделены угловыми скобками в оригинале.

²⁶ Квартира Веселковой-Кильштет находилась по адресу: Церковная ул. (ныне — ул. Блохина), д. 23.

²⁷ Сонет «Сивилла Дельфийская» («Воздушен блеск кудрей у гибкого плеча...») впервые опубликован в «Журнале для всех» (1904. № 5. С. 260) в составе цикла «Сонеты к фрескам Микельанджело», состоящего из двух стихотворений (второе — сонет «Сивилла Кумская»).

²⁸ Стихотворение «Тучи» («В серых тучах ходит-бродит серый старичок...») было опубликовано в журнале «Тропинка» (1908. № 20, 15 октября. С. 777–778).

²⁹ «Вереск (Символ одиночества)» — последнее стихотворение трехчастного цикла «Лесные песни» (Русская мысль. 1909. № 6. С. 1–3).

³⁰ В один из альбомов, принадлежавший, видимо, В.В. Уманову-Каплуновскому, Пожарова вписала последнюю строфу стихотворения «На камне» («В мерцанье последних рубинов...»), опубликованного в журнале «Весы» (1909. № 7. С. 13–14):

Я сердце, уставшее рано,
Несу в голубые сады,
Омыв его пеной тумана
И блеском вечерней звезды.

(РГАЛИ. Ф. 512. Оп. 2. Ед. хр. За. Л. 15 об.)

³¹ Александра Константиновна Случевская (Случевская-Коростовец; 1890–1976), поэтесса, мемуаристка. Дочь К.К. Случевского. Умерла в Англии.

³² Имеется в виду: *Авенариус В.П.* Отроческие годы Пушкина. Биографическая повесть. СПб., 1886 (впоследствии неоднократно переиздавалась). Первая публикация — в журнале «Родник» (1885).

³³ Видимо, Всеволод Валерьянович Курдюмов (1892–1956).

³⁴ В анонимной заметке, озаглавленной «Вечер поэзии», говорилось: «На вечере Случевского, состоявшемся у М.Г. Кильштет-Веселковой 15 декабря, собралось почему-то довольно ограниченное число поэтов и поэтесс (Вентцель, Бенедикт <так!>, Авенариус, Уманов-Каплуновский, Случевская, Соколов, Дмитрий Цензор, Валентин Кривич-Анненский, Пожарова, Курдюмов, Мазуркевич, Хвостов и др.)» (Известия книжных магазинов Т-ва М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1913. № 1 (январь). С. 6). Николай Борисович Хвостов (1849–1924) — поэт, переводчик.

³⁵ Имеются в виду две заключительные строки стихотворения «Тучи»: «В серых тучах пробегает серый старичок / Над землею отряхает мокрый колпачок» (Тропинка. 1908. № 20, 15 октября. С. 778).

³⁶ Причислять себя к «основателям» журнала В. Кривич не имел оснований, хотя и публиковался в «Аполлоне» в 1909 г.

³⁷ *Кривич В.* Цветотравы. М.: Изд. В. Португалова, 1912. Книга посвящена памяти И.Ф. Анненского.

³⁸ Женой В. Кривича в 1905–1915 гг. была Н.В. фон Штейн (1885–1975), сестра поэта-переводчика и мемуариста С. фон Штейна; с 1916 г. — жена П.В. Хмара-Борщевского, пасынка Иннокентия Анненского. (Ей посвящено несколько стихотворений Гумилева.)

³⁹ Подробно описав собрание поэтов и поэтесс в квартире М.Г. Кильштет, Пожарова не упомянула о том, что на этом вечере было оглашено письмо И.А. Бунина к Уманову-Каплуновскому — благодарность Кружку за приветствие, отправленное писателю в связи с 25-летним юбилеем его литературной деятельности. В этом письме (до настоящего времени не публиковавшемся) Бунин, находившийся в то время на Капри, сообщал, что был «долго и тяжело болен» (см.: [Б.п.] «Вечер поэзии» // Известия книжных магазинов Т-ва М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1913. № 1 (январь). С. 5).

⁴⁰ Валерий Вильямович Каррик (1869–1943), детский писатель, художник-карикатурист. Умер в Норвегии.

⁴¹ Манасеина (Манассеина; 1869–1930), детская писательница. Издавала и редактировала (совместно с П.С. Соловьевой) журнал «Тропинка».

⁴² Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух (1860–1923), литератор, переводчица; мать Блока, приятельница П.С. Соловьевой. Ср. в воспоминаниях М.А. Бековой:

«В эту зиму <имеется в виду зима 1911/1912 г.> она <А.А. Кублицкая-Пиоттух> очень сошлась с Поликановой Серг. Соловьевой, сестрой философа. Они сидели каждую неделю на ее средах, где собирались с трех часов сотрудники издаваемого ею вместе с Н.И. Манасеиной детского журнала “Тропинка” и кое-кто из друзей и знакомых. Квартира была скромная, угощение тоже. Пили чай с вареньем и пря-

никами и проводили время в самой непринужденной беседе. Обаятельность хозяйки, ее открытый характер, детская веселость и живой ум сообщали этим сборищам оттенок милой интимности, простоты и самого приятного оживления. Большинство посетителей “Тропинки” были дамы, но ничего “дамского” не было в атмосфере этих веселых и милых сборищ. Разговоры были женские, а не дамские: ни сплетен, ни пересудов, ни пошлости, ни мелочных и личных счетов тут не было. Говорили о литературе, о политике, о событиях дня, об искусстве, и все выходило интересно и симпатично. Ал. Андр. очень любила бывать в “Тропинке”. Она положительно там отдыхала» [1, с. 324].

⁴³ Еженедельный детский журнал (СПб., 1911–1913). В № 1 за 1913 г. (с. 5) напечатано стихотворение Пожаровой «Праздник у феи кукол...» («Словно дытел долгоносый...»). В течение 1913 г. стихи Пожаровой публиковались в «Галченке» неоднократно.

⁴⁴ Дмитрий Иванович Коковцев (1887–1918), поэт, публицист.

⁴⁵ Александр Алексеевич Кондратьев (1876–1967), поэт, прозаик. Умер в США.

⁴⁶ Опубликовано: Нива. 1912. № 35, 1 сентября. С. 693.

⁴⁷ Опубликовано: Тропинка. 1912. № 12. С. 839. Перепечатано в бесплатном приложении к журналу «Проталинка»: Цветник. Сборник стихотворений современных поэтов. М.: Проталинка, 1915. 39 с.

⁴⁸ Анатолий Андреевич Бурнакин (? – 1932), журналист, критик, поэт. С 1919 г. — в эмиграции. Умер в Белграде. О его участии в «Новом времени» и «премущественной связи» с В.П. Бурениным см. статью Д.М. Магомедовой [14, т. 1, с. 370].

⁴⁹ В альбоме Кружка оставили свои подписи (помимо лиц, упомянутых Пожаровой): В. Авенариус, Т. Берхман, В. Грибовский, Ф. Зарин, В. Лебедев, М. Веселкова-Кильштет, Е. Минеева, В. Опочинин, А. Радченко, В. Уманов-Каплуновский, И. Соколов, Д. Цензор; подпись Бурнакина отсутствует; одна подпись неразборчива (РГАЛИ. Ф. 512. Оп. 2. Ед. хр. За. Л. 16).

⁵⁰ Известная опера Рихарда Вагнера (1882). Пожарова присутствовала на одном из спектаклей Музыкального драматического театра (первое представление — 24 февраля 1914 г.).

⁵¹ Мария (Мария Магдалина Франческа) Людвиговна Моравская (1889–1947), поэтесса, переводчица, прозаик, публицист. Умерла в США.
См. о ней: [10], статью Р.Д. Тименчика в: [14, т. 4, с. 124–126].

⁵² Имеется в виду ежегодная Весенняя выставка в залах Академии художеств (учреждена в 1897 г.). Выставка открывалась в первую неделю Великого поста, (в 1914 г. — со 2 по 8 марта), и продолжалась не менее шести недель.

⁵³ На этом собрании члены Кружка чествовали Н.Н. Вентцеля в связи с 25-летием его литературной деятельности.

⁵⁴ Владимир Петрович Опочинин (1878 – не ранее 1939), поэт, прозаик, драматург; журналист.

⁵⁵ Стихотворение Пожаровой «Бессонная ночь» («Бессонная ночь шепотливо тянется...») опубликовано в «Ежемесячном журнале» (1914. № 3. С. 4).

⁵⁶ Стихотворение «Лесное сердце» («Говори о веках, что проходят стопой бестревожной...») опубликовано в журнале «Весы» (1909. № 7. С. 13–14).

⁵⁷ Беноццо Гоццоли (наст. имя Беноццо ди Лезе ди Сандро; 1420–1497), итальянский художник эпохи Кватроченто (флорентийская школа). Предположительно ученик Фра Беато Анджелико, которому посвящено известное стихотворение Гумилева (1912).

⁵⁸ Гумилев совершил четыре путешествия в Африку: в 1908, 1909, 1910 и 1913 гг.

⁵⁹ См. примеч. 6.

⁶⁰ Капитолина Васильевна Вяткина (урожд. Юрганова; 1892–1973), этнограф, многолетний сотрудник Института этнографии АН СССР; жена Г.А. Вяткина с 1915 по 1922 г. В близком кругу именовалась «Капелькой».

⁶¹ Ф.Г. Эртнеру посвящен сборник Моравской «На пристани» (СПб., 1914). В автобиографическом письме к С.А. Венгерову (1915) Моравская писала, что Эртнер «удерживал ее от преждевременных незрелых выступлений в печати, помог преодолеть символизм и выявить свою поэтическую личность»; основной текст этого письма опубликован в статье В.В. Попова [10, с. 182–183].

⁶² Агнесса Эдуардовна Линдеман (1880–1942), акварелист, иллюстратор, вышивальщица. В начале 1923 г. уехала в Германию, жила в г. Гота, где и умерла. В дневнике Пожаровой имеется более ранняя запись (между 19 и 22 марта 1914 г.): «Линдеман написала мне, что ее картины к моей книге вернулись с московской выставки Союза и скоро будут печататься. Пора, давно пора! Она пишет, что хотела бы узнать мое мнение о картинах» (л. 65 об.). Упоминается XI выставка Союза русских художников, на которой демонстрировались работы А. Линдеман, в том числе пять иллюстраций «к изданию И.Д. Сытина библиотеки “Тропинка”» (Каталог XI выставки Союза русских художников Москва 1913–1914 г. М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1913. С. 14). На той же выставке Союза русских художников в Петербурге, где также участвовала А. Линдеман, иллюстрации, выполненные ею для сытинского издания, отсутствовали (см.: Каталог XI выставки Союза русских художников. С.-Петербург 1914. СПб.: Тип. т-ва «Екатеринг. печ. дело», [1914]. С. 13–14).

⁶³ Сборник детских стихотворений Пожаровой, изданных И.Д. Сытиным в Москве в 1915 г. (с иллюстрациями А. Линдеман). «Бубенчики» — сквозной мотив в поэзии Пожаровой, передающий в ее понимании наивно-чистую мелодию детства. Ср.: «А за плетнем издалека / Звучит бубенчик тонко-тонко, / И так бесхитростно легка / Несется песенка ребенка» (из стихотворения «В зеленом уголке» («Как пахнет розой и вербеной...») // Задушевное слово (для детей старшего возраста). 1916. № 38, 17 июля. С. 601).

В своих дневниковых записях Пожарова сообщает, что около 1920 г. она «продала второе издание “Бубенчиков” Гржебину за 45 тысяч. Книга разрослась вдвойне, дополненная новыми стихотворениями. Художественную часть взял на себя Александр Бенуа. Я получила автографы от него и от Максима Горького» (ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 218. Л. 137). Упоминается издатель З.И. Гржебин (1877–1929; умер во Франции); Второе издание «Бубенчиков» не состоялось.

⁶⁴ Эдуард Эдуардович Линдеман (1842–1897), астроном, с 1896 г. — ученый секретарь и хранитель библиотеки Пулковской обсерватории.

⁶⁵ Петербургское издательство «Грядущий день», возникшее в конце 1900-х гг., отличалось высоким уровнем книжной культуры; его художественным руководителем был М.В. Добужинский; в 1915 г. волилось в издательство «Огни», возглавляемое Е.А. Ляцким.

⁶⁶ Упоминаются: Рогнеда (Ная) Сергеевна Городецкая (1908–1999), дочь С.М. и А.А. Городецких; Ия (1906 – ?), побочная дочь С.М. Городецкого.

⁶⁷ Анна Алексеевна Городецкая (урожд. Козельская; 1889–1945), актриса; жена С.М. Городецкого; в литературном кругу звалась «Нимфой».

⁶⁸ В.Л. Говорова, заведующая конторой «Ежемесячного журнала».

⁶⁹ Лекция-вечер «Поэтессы — маленьким беженцам» состоялся в концертном зале Тенишевского училища 31 марта 1916 г. В списке выступавших, наряду с Пожаровой, значились: А. Арнс, Е. Бунге, Г. Галина, И. Гриневская, Н. Грушко, Л. Жибуртович, Т. Кладо, М. Левберг, М. Моравская, Л. Рейснер, Тэффи, А. Чумаченко и М. Шререр, а также артисты Н. Ковалевская и М. Прохорова (см.: Петроградские ведомости. 1916. № 72, 31 марта (13 апреля). С. 3; раздел «Хроника»); однако Моравская, Тэффи, Чумаченко и Шререр на вечере отсутствовали (см.: З. Б<ухарова>. Вечер поэтесс // Петроградские ведомости. 1916. № 75, 3 (16) апреля. С. 2). Вступительное слово произнес профессор-юрист, социолог и публицист В.Н. Сперан-

ский (1877–1957). Весь чистый сбор был направлен на нужды малолетних беженцев, жертв военного времени (сирот, детей, потерявших родителей, и т. д.).

В конце вечера выступила Анна Ахматова, прочитавшая стихотворение «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...». См. в газетном отчете: «Анну Ахматову уговорили выступить с эстрады, хотя она и не значилась в программе. И г-жа Ахматова также угадала, что надо слушателям в конце вечера, и рассказала нам о простой жизни, где должны быть свои радости...» ([Б.п.] Вечер поэтов // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1916. № 15479, 2 апреля. С. 3).

⁷⁰ Николай Иванович Кульбин (1868–1917), художник, музыкант, теоретик и пропагандист русского авангарда; издатель. В архиве Пожаровой сохранилась обращенная к ней записка Кульбина с почтовым штемпелем «8.5.16 г.»: «Приходите Очень рад работать с Вами. Ваш НК» (ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 147). Внизу — пояснение (рукой Пожаровой): «Он был мне нужен как доктор. Кульбин — знаменитый футурист» (Там же).

⁷¹ Имеется в виду Петровское торгово-коммерческое училище Купеческого общества на Фонтанке 62.

⁷² Точная дата этой лекции не установлена. См. иронический отклик: *Садовской Б.* Золушка совсем не думает // Журнал журналов. 1915. № 34. С. 5; обыгрывается название сборника стихов Моравской «Золушка думает» (Пг., 1915). В то время Моравская часто называла себя «Золушкой». Так, 30 мая 1915 г. она подарила Пожаровой отклик своего рассказа «Плакаты» (Вестник Европы. 1915. № 5. С. 105–116) с подписью «От Золушки — Моравской» (ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 211).

⁷³ Лекция состоялась 4 декабря 1915 г. под председательством А.М. Калмыковой. После лекции предполагались «прения», участниками которых в газетном объявлении названы, в частности, А.А. Гизетти, Л.Н. Клейнборг, Е.А. Ляцкий, А.И. Тиняков (Биржевые ведомости. Веч. вып. 1915. № 15248, 3 (16) декабря. С. 1).

Статья Моравской под названием «Волнующая поэзия» была ранее опубликована в «Новом журнале для всех» (1915. № 8. С. 39–41; о Пожаровой, как и других поэтах, в печатном варианте не упоминается).

27 февраля 1916 г. в зале Петровского училища Моравская прочитала еще одну лекцию («Господство любви») в пользу лазарета при Технологическом институте (см.: Биржевые ведомости. Веч. вып. 1916. № 15401, 23 февраля. С. 1).

⁷⁴ Ольга Михайловна Пожарова умерла 24 октября 1915 г.

⁷⁵ См. примеч. 73.

⁷⁶ См.: *Пожарова М.* Памяти матери. 1. Обреченная. 2. Перед панихидой. 3. Кладбище // Русская мысль. 1916. № 4. С. 29–31.

⁷⁷ *Пожарова М.* Мама («В комнату солнце скользнуло...»); «Положи мне на сердце руку...»; У гроба. (Памяти матери) // Ежемесячный журнал. 1916. № 1. С. 98.

⁷⁸ Сохранилась записка Миролюбова к Пожаровой от 7 марта 1916 г., в которой он приглашает ее на «чтение» в среду, т. е. 8 марта 1916 г. (ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 168. Л. 9).

⁷⁹ Николай Николаевич Шульговский (1880–1934), поэт; автор работ по стихосложению.

⁸⁰ Возможно, Пожарова посетила редакцию «Ежемесячного журнала» 14 октября 1915 г.; Ремизов читал в тот вечер свой рассказ «Чайничек». См. запись об этом вечере в дневнике Б.А. Лазаревского (ИРЛИ. Ф. 145. Ед. хр. 10. Л. 17).

⁸¹ Т. е. один из образов религиозной живописи М.В. Нестерова.

⁸² Это свидетельство Пожаровой («в пиджачке») расходится с воспоминаниями В.И. Мозалевского, который сообщает, что Есенин, читавший стихи в клубе «Медный всадник», носил «светлую с воротником, украшенным вышивкой, косоворотку» [9, с. 80]. Ср. в воспоминаниях Л. Рубанова (впервые: Мосты. (Мюнхен). 1966. № 12): «...Городецкий привел с собой на этот вечер белокурого юношу

в странной курточке, без галстука, что противоречило общему тону собрания» [3, с. 469].

⁸³ Есенин был призван в марте 1916 г. В апреле–июне 1916 г. он дважды выезжал на фронт в составе поезда № 143 императрицы Александры Федоровны.

⁸⁴ Клюев знал стихи Бодлера (в русском переводе Вяч. Иванова и П. Якубовича). 12 марта 1909 г. он писал Блоку, что «поражен, почти пришиблен царственностью стихов из Бодлера — Вячеслава Иванова» [7, с. 185]. О знакомстве Клюева с русскими переводами Бодлера см. также: [17, с. 169–170].

Толчком к разговору поэтов о Бодлере послужило, возможно, то обстоятельство, что как раз в 1916 г. Пожарова перевела его знаменитое стихотворение «Гимн красоте» (см.: Огонек. 1917. № 23. С. 355). Первоначально она собиралась поместить его в утреннем выпуске «Биржевых новостей» и обращалась по этому поводу к И.И. Ясинскому (ОР РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 1126. Л. 1–2; письмо от 10 сентября 1916 г.), но — безуспешно.

⁸⁵ Оскар Уайльд как символ европейского эстетизма привлекал и Клюева, и Есенина, рвавшихся в крестьянскую одежду («дэндизм» наизнанку) и сознательно эпатировавших «буржуазную» городскую публику. Хорошо понимая театрально-игровой характер этой стилизации «под народ», Есенин в «Ключах Марии» (1918) назовет Клюева «Уайльдом в лаптях»: «Уайльд в лаптях для нас столь же приятен, как и Уайльд с цветком в петлице и лакированных башмаках» [6, т. 5, с. 185]. См. также: [2, с. 246].

Внутренний разлад Есенина в последние годы жизни, отразившийся в поэме «Черный человек», и трагический финал поэта нередко соотносятся с историей главного героя в романе Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1891).

⁸⁶ Ежемесячный журнал. 1915. № 6. С. 5 (стихотворение озаглавлено «Туман»). Там же на с. 4 — три стихотворения Есенина: «Сыплет черемуха снегом...», «Троица» (Троицко утро, утренний канон...) и «Девичник» («Я надена красное мони-сто...»).

Первые шесть строк стихотворения «Туман»:

Заря наклонилась к вечерней реке,
Словно русая девушка в красном платке.
Цветные одежды полощет в волнах,
И мелькают извивы пунцовых рубах,
Передников желтых с голубой бахромой,
Полотенец, расшитых узорной каймой.

⁸⁷ Имеется в виду юбилейное (50-е) собрание Кружка у В.П. Авенариуса, состоявшееся 19 декабря 1915 г. На этот вечер Пожарова смогла попасть благодаря Н.Н. Вентцелю. «Очень хотелось бы мне побывать на одном из собраний Кружка Случевского (в декабре или еще лучше в январе)», — писала ему Пожарова 11 декабря 1915 г. (РГАЛИ. Ф. 1868. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 10). Н.Н. Вентцель информировал Пожарову о предстоящем собрании и пригласил ее в качестве гостя. «Сердечно благодарю Вас за письмо — отвечает Пожарова 18 декабря 1915 г. — С радостью воспользуюсь Вашим любезным указанием и поеду завтра на вечер Случевского...» (Там же. Л. 12).

⁸⁸ Екатерина Александровна Галати (Косвен-Галати; 1890–1935), поэтесса, переводчица; жена историка, этнографа и кавказоведа М.О. Косвена (1885–1967). См.: [15].

⁸⁹ См. примеч. 76 и 77.

⁹⁰ Имеется в виду П.В. Быков (1844–1930), поэт, переводчик, критик, историк, литературы, переводчик.

⁹¹ Борис Дмитриевич Богомолов (1886–1920), поэт, прозаик. На собрании у В.П. Авенариуса был рекомендован в члены Кружка (В.П. Лебедевым и В.В. Умановым-Каплуновским). Избран 8 мая 1916 г. (ср. следующ. примеч.).

⁹² Пожарова была рекомендована в члены Кружка Случевского на собрании 19 декабря 1915 г. у В.П. Авенариуса, а избрана на 51-м (77-м) собрании 8 мая 1916 г. (у И.И. Ясинского) — последнем в сезоне 1915/1916 г. «Военное время заметно отразилось на деятельности кружка поэтов в Петрограде, носящего название “Вечеров Случевского”, — читаем в журнальной заметке, — истекший сезон не был богат поэтическими собраниями. После трех вечеров у И.И. Ясинского, В.П. Лебедева и В.П. Авенариуса состоялся значительный перерыв. Последнее собрание (8 мая) состоялось у председателя кружка И.И. Ясинского. В число новых членов избраны: Борис Богомолов, Мария Левберг, М. Пожарова, Борис Садовской и Зинаида Ц.» (Известия Вольфа. 1916. № 6. С. 80). Среди названных далее 17 участников этого вечера фамилия Пожаровой отсутствует.

⁹³ Знакомство Пожаровой с Галати состоялось 19 декабря 1915 г. Через день Галати писала своей новой знакомой:

Милая Мария Андреевна!

Когда будете посылать мне свою «детскую» книгу, если это не затруднит Вас, пришлите мне хоть одно из своих стихотворений, прочитанных Вами на вечере Случевского.

Я хочу их почувствовать еще раз, мне нужно их иметь у себя.

Мне нравится, что в Ваших вещах говорит душа, а не нервы, измученные, издерганные тоской и чувственностью нервы, как у почти всех теперешних поэтов, и мужчин, и женщин.

Вам есть, что сказать, и потому все, что Вы говорите, ценно. Вы сильно чувствуете и от того трогаете. У большинства же пишущих не вдохновение, а просто — *grititus scribendi* — «писательский зуд».

Прошу Вас писать как можно больше, стараться похитить у жизни как можно больше минут для творчества.

Надеюсь еще когда-нибудь увидеть Вас и поговорить с Вами.

Жду Ваших стихов и крепко жму Вашу руку

Ек. Галати

(ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 144. Л. 1–2; письмо от 21 декабря 1915 г.; «детская книга» — вероятно, сборник «Бубенчики», см. примеч. 63).

⁹⁴ Садовской Б. Полдень. Собрание стихов. 1905–1914. Пг.: Лукоморье, 1915.

⁹⁵ В архиве Пожаровой в ИРЛИ письма Б.А. Садовского отсутствуют.

⁹⁶ Екатерина Николаевна Бунге (1874–1933), поэтесса, переводчица. Умерла в Германии.

⁹⁷ Лидия Борисовна Яворская (в замужестве — княгиня Барятинская; 1871–1921), актриса. Умерла в Лондоне.

⁹⁸ Композитор С.С. Прокофьев входил в правление «Медного Всадника» и принимал участие почти во всех его вечерах весной 1916 г.; см.: [1, т. 2].

⁹⁹ Опера Прокофьева «Игрок» (по повести Достоевского), написанная в течение 1916 г., намечалась к постановке в Мариинском театре и была даже утверждена в репертуаре 1917 г., однако премьера — в силу разных причин — неоднократно переносилась; постановка не осуществилась. Впоследствии композитор переделал оперу, и в этой новой редакции она получила сценическое воплощение (премьера состоялась в апреле 1929 г. в Брюсселе).

¹⁰⁰ Имеется в виду В.И. Мозалевский.

¹⁰¹ Намек на стихотворение Игоря Северянина «Клуб дам» (1912): «О фешенебельные темы! От вас тоска моя развеется!» и т. д.

¹⁰² Судя по записи Пожаровой, она посетила вечер «Медного Всадника», состоявшийся около 10 марта 1916 г. в квартире профессора В.В. Святловского (1871–1927), экономиста и историка, автора двух стихотворных сборников, совершившего в 1907 г. этнографическую поездку в Австралию и на острова Океании, откуда он вывез богатую коллекцию предметов народного быта и искусства, переданную им

в Музей антропологии и этнографии. Его квартира представляла собой «нечто в роде не то музея, не то даже храма, воздвигнутого Наполеону I» (*Боцяновский В.* О «Медном Всаднике» // *Биржевые ведомости*. Веч. вып. 1916. № 15439, 13 марта. С. 4).

¹⁰³ *З.Б.<ухарова>*. Вечер поэтесс // *Петроградские ведомости*. 1916. № 74, 2 апреля. С. 2. Цитата неточна.

¹⁰⁴ Наталья Васильевна Грушко (1891–1974), поэтесса, драматург, прозаик.

¹⁰⁵ Николай Александрович Черкасов (1888 – после 1924), поэт, футурист, автор нескольких стихотворных сборников, изданных в Петрограде в 1914–1917 гг. Входил в 1917 г. в общество «Мировые футуристы»; см.: [8, с. 20]. Присутствовал в качестве гостя 11 февраля 1917 г. на 52-м (78-м) собрании Кружка Случевского у И.И. Ясинского, куда его, по-видимому, пригласила Пожарова (см.: РГАЛИ. Ф. 512. Оп. 2. Ед. хр. За. Л. 40).

¹⁰⁶ Сохранилось лишь одно («длиннейшее»?) письмо Н. Черкасова — видимо, ответ на письмо Пожаровой, в котором она делилась с адресатом своими размышлениями: «Но все же путь Ваш в искусстве — футуристический — представляется мне скользким путем. Я полагаю, что и неологизмами пользоваться следует умело, остроумно <...> Нередко в стихах футуристов встречаются неожиданно смелые обороты, которые своей необычностью не отталкивают, а привлекают. В футуризме нет простоты, а без простоты нет величия. И при всем своем стремлении к широте футуризм мелочен и немошен» (приводится по черновым наброскам в дневнике Пожаровой (л. 73); дата черновика — 3 апреля 1916 г.).

Возражая Пожаровой, Черкасов писал (приводится основная часть письма):

Глубокоуважаемая Мария Андреевна!

Очень признателен Вам за Ваше любезное и откровенное письмо. Я очень ценю эту правдивость в высказанных мнениях. Да, я и хочу работать над собой, устранить банальности, пошлости, ходячие фразы. Но Вы не всегда правы, думая, что я подражаю тому или иному автору. Начнем с Блока. Вовсе — если так сказать — не Блок открыл Прекрасную Даму. Да и к чему делать это его привлекательней <так!>? Когда я посвятил стихи Прекрасной Даме, я, возможно, думал совершенно не о Блоковской Даме — да и не в поле тут дело — и о Блоке в то время совершенно забыл, не думал. Также не думал я подражать и Игорю Северянину, тем более что не считая для себя совершенно возможным быть в числе его поклонников или хотя бы подражателей.

Да, я находился под футуристическими влияниями — но какой же Северянин футурист? Северянина я ставлю на одну доску с m-me Вербицкими. «Экстравагантностей» Игоря Северянина у меня нет — а «помпезности» — не его. От слова «солист» («Соловьиное утро») отымите его оперный привкус, возьмите слово как простое производное от «Solo» — а слова ведь все надо брать в их чистом виде независимо от местных вкусов — и, мне кажется, оно не будет казаться грубым. Смелость образа далека от грубости.

В сонете я сознаю свою слабость — этот сонет — юношеский опыт. В большинстве остальных определений Вы совершенно правы или хотя бы отчасти правы. К сожалению, сборник я поторопился выпустить под давлением внешних причин.

Я военный (в мирное вр<емя> — студент политехник) и могу бояться, чтобы материал не пропал.

Мне хотелось бы вести с Вами переписку, тем более что Ваши ценные замечания, показывающие большой опыт, точность и вкус, — были бы мне очень нужны — и, почем знать, в своих последующих вещах я бы уже — быть может, избавился бы от значительного количества своих грехов и слабостей. <...>

Буду ждать Ваших поэтических советов. Напишите мне что-либо о поэзии вообще, о положении поэта, о задачах стиха, о метрике, о рифме, о новых теориях стихосложения, о банальностях, о хорошем вкусе, о творчестве, о теме и т. д. Буду весьма признателен, если Вы и дальше пойдете мне навстречу.

(ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 199. Письмо от 4 мая 1916 г.)

¹⁰⁷ Первая строфа стихотворения «Гибель» (*Черкасов Н.* В ряды. Поэма и поэзы. СПб.: Тип. т-ва «Наш век», 1914. С. 44). В печатном тексте — маявеют.

Литература

1. *Бекетова М.А.* Воспоминания об Александре Блоке / сост. В.П. Енишерлова и С.С. Лесневского. М.: Правда, 1990. 672 с.
2. *Вольпин Н.* Свидание с другом // Как жил Есенин. Мемуарная проза. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1991. С. 220–353.
3. Воспоминания о Серебряном веке / сост., автор предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1993. 561 с.
4. *Даманская А.* На экране моей памяти / А. Даманская. Вечера поэтов в годы бедствий / С. Таубе-Аничкова; публ. О.Р. Демидовой. СПб.: Миръ, 2006. 520 с.
5. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
6. *Есенин С.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1977–1979.
7. *Клюев Н.* Письма к Александру Блоку 1907–1915 / публ., вводная ст. и коммент. К.М. Азадовского. М.: Прогресс-Плеяда, 2003. 366 с.
8. *Крусанов А.В.* Русский авангард, 1907–1932: исторический обзор: в 3 т. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Т. 2. Кн. 1. 808 с.
9. *Мозалевский В.И.* Тропинки, пути, встречи (окончание) / подгот. текста и коммент. А.Л. Соболева // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 71–108. DOI: 10.22455/2541-8297-2019-13-71-108
10. *Попов В.В.* Мария Людвиговна Моравская. (Попытка портрета) // Русская литература. 1998. № 3. С. 181–217.
11. *Прокофьев С.* Дневник. 1907–1933: в 3 т. М.: Классика-XXI, 2017.
12. *Путилова Е.О.* Мария Пожарова // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая советская энциклопедия [и др.], 2007. Т. 5. С. 18–19. (В соавторстве с С.М. Гучковым).
13. *Путилова Е.О.* Мария Пожарова // Литературный Санкт-Петербург. XX век: Энциклопедический словарь: в 3 т. СПб.: Береста, 2015. Т. 3: П–Я. С. 67–69.
14. Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая советская энциклопедия [и др.], 1992–2019. Т. 1–6.
15. *Соболев А.Л.* Екатерина Галати // *Соболев А.Л.* Летейская библиотека I. Биографические очерки. М.: Трутень, 2013. С. 58–78.
16. *Соболев А., Тименчик Р.* Венеция в русской поэзии. Опыт антологии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 1104 с.
17. *Субботин С.И.* Николай Клюев — читатель Л. Трефолева и П. Якубовича. Об истоках раннего клюевского творчества // Николай Клюев. Исследования и материалы. М.: Наследие, 1997. С. 163–182.
18. *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 448 с.

“My Real Life Is in Solitude...”: From the Diary of Maria Pozharova

© 2021. Konstantin M. Azadovsky

St. Petersburg, Russia

Abstract: The publication is dedicated to the poetess Maria Pozharova, who actively published in the Russian press at the beginning of the 20th century, and participated in the meetings of a number of St. Petersburg / Petrograd literary societies and circles in the 1910s. In the Soviet years, only her “children’s” poems appeared in print — “for a younger age”, the publication of which was assisted by K. Chukovsky and especially S. Marshak. The published excerpts from Pozharova’s diary (for 1909–1916) record her meetings and conversations with Z. Gippius, N. Gumilev, S. Yesenin, the poetess M. Moravskaya, prose-writer and literary critic N.N. Wentzel and other writers, contain detailed descriptions of the evenings of “Sluchevsky’s Circle”, the literary life of the capital in the pre-revolutionary years. The introductory article also describes M. Pozharova’s difficult living conditions and marginal existence in the literature of the 1930–1950s. The text of M. Pozharova’s diary is accompanied by a historical and literary commentary.

Keywords: M. Pozharova, the literary life of Russia in the 1910s, literary societies and associations, biography, the writer’s diaries, archival publications.

Information about the author: Konstantin M. Azadovsky — PhD in Philology, German Academy of Language and Literature, (Darmstadt, Germany). St. Petersburg, Russia. Researcher ID: U-4876-2019. E-mail: azadovski@mail.ru

For citation: Azadovsky, K.M. “‘My Real Life Is in Solitude...’: From the Diary of Maria Pozharova’.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 8–47. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-8-47>

References

1. Beketova, M.A. *Vospominaniia ob Aleksandre Bloke* [*Memoirs of Alexander Blok*], comp. by V.P. Enisherlov, and S.S. Lesnevsky. Moscow, Pravda Publ., 1990. 672 p. (In Russ.)
2. Vol’pin, N. “Svidanie s drugim” [“Meeting with a Friend”]. *Kak zhil Esenin. Memuarnaia proza* [*How Esenin Lived. Memoir Prose*]. Cheliabinsk, Iuzhno-Ural’skoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1991, pp. 220–353. (In Russ.)
3. *Vospominaniia o Serebrianiom veke* [*Memoirs of the Silver Age*], comp, intro., and comm. by V. Kreid. Moscow, Respublika Publ., 1993. 561 p. (In Russ.)
4. Damanskaia, A. *Na ekrane moei pamiati* [*On the Screen of My Memory*]. Taube-Anichkova, S. *Vechera poetov v gody bedstvii* [*Evenings of Poets in the Years of Disasters*], publ. by O.R. Demidova. St. Petersburg, Mir" Publ., 2006. 520 p. (In Russ.)

5. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
6. Esenin, S. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1977–1979. (In Russ.)
7. Kliuev, N. *Pis'ma k Aleksandru Bloku 1907–1915* [Letters to Alexander Blok 1907–1915], publ., intro., and comm. by K.M. Azadovsky. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2003. 366 p. (In Russ.)
8. Krusanov, A.V. *Russkii avangard, 1907–1932: istoricheskii obzor: v 3 t.* [Russian Avant-garde, 1907–1932: Historical Review: in 3 vols.], vol. 2, book 1. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. 808 p. (In Russ.)
9. Mozalevskii, V.I. “Tropinki, puti, vstrechi (okonchanie)” [“Paths, Ways, Encounters (end of publication)”], text prep. and comm. by A.L. Sobolev. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (13), 2019, pp. 71–108. DOI: 10.22455/2541-8297-2019-13-71-108 (In Russ.)
10. Popov, V.V. “Mariia Liudvigovna Moravskaia. (Popytka portreta)” [“Maria Ludvigovna Moravskaya. (Attempt of a Portrait)”]. *Russkaia literatura*, no. 3, 1998, pp. 181–217. (In Russ.)
11. Prokof'ev, S. *Dnevnik. 1907–1933: v 3 t.* [Diary. 1907–1933: in 3 vols.]. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2017. (In Russ.)
12. Putilova, E.O. (Guchkov, S.M., co-author) “Mariia Pozharova” [“Maria Pozharova”]. *Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian Writers 1800–1917. Biographical Dictionary], vol. 5. Moscow, Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia Publ., 2007, pp. 18–19. (In Russ.)
13. Putilova, E.O. “Mariia Pozharova” [“Maria Pozharova”]. *Literaturnyi Sankt-Peterburg. XX vek: Entsiklopedicheskii slovar': v 3 t.* [Literary St. Petersburg. 20th Century: Encyclopedic Dictionary: in 3 vols.], vol. 3. St. Petersburg, Beresta Publ., 2015, pp. 67–69. (In Russ.)
14. *Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian Writers 1800–1917. Biographical Dictionary], vol. 1–6. Moscow, Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia Publ., 1992–2019. (In Russ.)
15. Sobolev, A.L. “Ekaterina Galati” [“Ekaterina Galati”]. Sobolev, A.L. *Leteiskaia biblioteka I. Biograficheskie ocherki* [Lethean Library I. Biographical Essays]. Moscow, Truten' Publ., 2013, pp. 58–78. (In Russ.)
16. Sobolev, A., Timenchik, R. *Venetsiia v russkoi poezii. Opyt antologii* [Venice in Russian Poetry. Attempt of an Anthology]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 1104 p. (In Russ.)
17. Subbotin, S.I. “Nikolai Kliuev — chitatel' L. Trefoleva i P. Iakubovicha. Ob istokakh rannego kliuevskogo tvorchestva” [“Nikolai Klyuev as a Reader of L. Trefolev and P. Yakubovich. On the Origins of Klyuev's Early Works”]. *Nikolai Kliuev. Issledovaniia i materialy* [Nikolai Klyuev. Studies and Materials]. Moscow, Nasledie Publ., 1997, pp. 163–182. (In Russ.)
18. Schrub, M. *Literaturnye ob"edineniia Moskv i Peterburga 1890–1917 godov. Slovar'* [Literary Associations of Moscow and St. Petersburg in 1890–1917]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 448 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 29.05.2021
 Одобрена после рецензирования: 30.07.2021
 Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted: 29.05.2021
 Approved after reviewing: 30.07.2021
 Date of publication: 25.09.2021